От чистого сердца

Геннадий Зимняков

ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА

избранное

стихи, песни, легенды

Димитровград – 2016

УДК 821.161.2-2 Зимняков Г.В.
ББК 84
З 9

Зимняков Г. В.
От всей души.
Избранное. – Издательство ООО «Колор-Принт»
2016. - ……200 с.

Поэт Геннадий Зимняков жил и занимался литературной деятельностью в 1955-1995-х годах прошлого века. Часто печатался в средствах массовой информации Мелекесса-Димитровграда, Ульяновской области, реже - в центральных газетах и журналах. При жизни не издал ни одной книги своих сочинений. Причина банальна – в России не любят неординарных, творческих личностей, имеющих свою точку зрения, не пишущих по заказу и под диктовку сильных мира сего.

Истинные друзья и ценители его таланта исправили допущенную несправедливость к творчеству талантливого писателя и на свои личные средства издали этот сборник. Познакомившись с ним, читатели будут иметь право на свою точку зрения.

© Зимняков Г. В., 2016

Сёмин Н.Н., 2016

Светлейшей В.П.

Мосиенко — Валюше Зотовой

— подруге юности, а также —

всех «дней моих суровых»

преподношу с поклоном…

Геннадий Зимняков

Содержание

Слово от составителя сборника **14**

…Россия, Родина, радость моя. 25

Как ни бывает тяжело на Родине, - 26

Почему называется Чёрной 27

…А дома тенистый под кленом дворик, ... 28

Розами цвело и пахло утро. 30

Лугов зазеленевших скатерти; 32

Радость моя, Россия!.. 33

«Мамин голос тихий слышу, ... только слов не разберу…» 35

Примета 36

Погляжу на мать чужую –..... 37

Варежки 38

Провожала мать меня, ... 39

Ко мне приезжает мама –..... 40

Взгляни на мать… 41

Подбирает мама картошку, ... 42

Тебе пожаловаться, Волга?..... 43

Средь равнинного раздолья, ... 44

Предновогоднее 45
Ах, мама, мама.... 47
Посвящения.....49
Жене Серафиме 50
Серафиме..... 51
Симе..... 52
Сестре 52
Сестёнке Вале..... 53
Просто женщине 54
О где ты, женщина, - 55
Лиловая и белая сирень. 56
Сельской учительнице 57
Чудной женщине..... 58
«И снова я тебя благодарю» 58
Письмо..... 58
Завидую тем соснам, той дорожке, ... 60
Благодарю тебя за доброту, ... 60
Ах, осень… Для меня она - отрада..... 61
Устала ты от всякой суеты. 62
Октябрь на исходе. Дожди, холода… 62
Когда… что был я, всяк забудет, ... 63

Студентке с улицы Садовой… 64
Морозные узоры на окне, ... 64
Романс 65
Посвящения всем кого люблю и почитаю 66
Доярке..... 66
Поэту Сергею Островому 67
Обращение лейтенанта Шмидта..... 68
Памяти друга 69
Портрет Пушкина кисти Кипренского 70
Радищеву 71
Наполеону..... 72
Н. Р. Рябинину 73
Шаляпин на Чужбине 74
Левитану 75
Н. Мельникову..... 76
Дубки 76
Мглистая, густая тишина. 77
Последний день Помпеи..... 78
А. И. Плотникову..... 79
Вл. Пыркову 80
Былинное..... 82

Летний вечер 83
Н. Рачкову 83
Врубелю 84
Виктору Мосиенко 85
Н. Благову 87
П. Авдееву 87
Саврасову 88
Вальсам Штрауса 89
Дубрава 89
Бакену 91

«И плечами зябко93 поведёт женщина, которую я встречу» 93

«Никогда тебя я не любила. 94
Русская песня 94
Брали в армию Андрея – 96
Красивая 97
Костёр 97
Где-то ходит изредка в кино, ... 99
- Угости смородиной, садовница. 100
От тебя уйду я завтра поутру. 100
Воспоминание 101

Слушал музыку. Что-то испанское..... 101

И чистым быть душою, чтобы вольготно каждый день дышать..... 103

Ушла от мужа вечером жена. 104

Рассвет…Расстрел… 104

Воля..... **Ошибка! Закладка не определена.**

К равнодушному..... 106

Я сердцем возмущаюсь и словами, ... 107

Зима, зима… И степь вокруг,..... 108

Отдать рубашку другу, ... 109

И снова сердца грусть коснулась, слетевшим под ноги листом..... 111

Сказка..... 112

Карусельные кони над опавшей листвой. 113

Вяз 114

Осень в дачных садах приугасла. 115

Убираем сено. Жарко. Потно..... 115

До женьшеня – где нам! – 116

Вороньим оком глянула трава,..... 117

В накрапах блёклости осенник..... 117

Бузина 118

Тропа шла берегом реки; 119
Натюрморт..... 119
Столешница скоблёная светла, ... 120
Связки лука. На ларе под ними 120
На татарниках папахи не горят, ... 121
Просьба..... 121
Колокольчики, клевер 122
На березах, осинах, ... 123
Подснежники 123
Калинник да черёмушник, ... 124
Серый день 125
Окошко – настежь нежная 125
Я иду по тропинке. 126
Август 127
Багряные листья летят 128
Старая берёза 128
Дождь 129
Волга 130
Луга 131
И всё. И отгорело лето. 131
Стужей подтянуло… 132

Первоснежье… Как родился снова – 133
Пахнет порой с рассветом зимним 133
Снегу - полны огороды, ... 134
Волк 135
Случай 136
Рожь 137
На чьи-то губы 137
Прощанье 138
Алостью сквозь лист прожглась рябина 139
Чай с душицей 140
Васильки 141
Зноем истомленные малинники 143
Слова родные, русские, простые: 143
Как тихо… Ни ветер не дунет, ... 145
Дороженька 145
Уже к теплу сводились все прогнозы, ... 146
В первой зелени лес и поля. 147
Обвяло лето. Остывает. 148
Заплаканный месяц вечерний, ... 148
Элегия 149
Осенний жарок 150

В серой мгле пустое поле 150
Первый снег утром 151
Рябина 151
Услышал, что синица 153
Телёнок 154
Зверька держали долго в клетке. 155
Мы полем шли, как по болоту, ... 156
Порыв 157

« …Тебе пожаловаться, Волга? Тебе Россия ?… Промолчу …» 159

Устаю. Как ломкая та птица, ... 160
Брожу по лесу. Кисть рябины 160
Душа обрадовалась снова. 161
Ничего. Ничего. Перебьюсь. 162
На полустанке 162
Больничная палата 163
Мальчишкой рядом был со Спартаком, ... 164
Боюсь, что душа остывает: 165
Идут снега, липучие, крутые. 166
О, как запахло полынью 167
Автопортрет 168

Прости кощунство мне… Умри!.. 168
Слова родные, русские, простые..... 169
Невольник я… 170
Зима, зима… И степь вокруг,..... 171
Еду в розвальнях, на соломе. 173
Мальчик, парень, молодой мужчина..... 174
Снова, что ли, надо закурить 175
Прощайте, сумрачный сени!..... 176
К себе 177
Серый тополь, чёрный ворон. 178
Алексей Кольцов, Сергей Есенин... 179
Подумал в цветущем саду я: 180
Синь. Черёмуха в цвету. 180
Песня..... 181
Завещание 182
Легенды, песни, поэмы 184
Легенда о щите..... 185
Песня Пугачёва 193
Козьма Минин 195
Писатели о творчестве Геннадия Зимнякова. 198

Слово от составителя сборника

Чтобы рассказать историю появления этой книжки, а заодно узнать больше о его авторе, который жил в XX веке, я расскажу о предыстории появления рукописного оригинала и о некоторых вехах биографии его автора.

Это, кстати, и является целью моего участия в этом проекте. Геннадий Васильевич Потёмкин (псевдоним – Зимняков) родился в 1936 году в селе Карсун Ульяновской области. В семье была сестра Валентина. Отец был призван на фронт, а вернувшись вскоре умер –дали о себе знать серьёзные ранения. Жили небогато, так как мать растила детей одна. Поэтому она решила переехать на место жительства ближе к родственникам, в село Русский Мелекесс, Мелекесского района. Там семья обосновалась в небольшом купленном, домике.

Жили на скромные колхозные трудодни, а в подсобном хозяйстве было несколько соток земли, и мелкая живность. После окончания средней школы Геннадий поступает в Мелекесский государственный педагогический институт на филологический факультет. В одной группе с ним учатся будущие герои его поэтического багажа и друзья на дальнейшем жизненном пути: Ирина Резкова, Валентина Мосиенко, Римма Межевова, Саша Финкер и другие. После окончания ВУЗа работает в школах Мелекесса учителем, пишет стихи. Ещё

в школьные годы его кумиром был Сергей Есенин. Как романтик и патриот своей Родины в своих первых опусах Геннадий воспевает российскую природу, родной край.

Вскоре он познакомился с журналистами местных газет и литераторами. Стал регулярно посещать заседания литературного клуба «Черемшан», учился у более опытных писателей, отдавал на их суд свои, ещё не совсем отшлифованные, стихи. Лучшие из них были рекомендованы и напечатаны в газетах «Знамя коммунизма» и «Знамя труда», а также в областных газетах «Ульяновская правда» и «Ульяновский комсомолец».

Первыми его наставниками были фронтовик, журналист, литератор, военный корреспондент, учитель школы и первый руководитель «Черемшана» Иван Дмитриевич Хмарский, поэты Евгений Ларин и Яков Рогачёв, прозаик Анатолий Жуков, а также ульяновские писатели Николай Рябинин, Владимир Пырков, Николай Благов, руководитель ульяновских литераторов Григорий Коновалов (в будущем известный классик советской литературы). Отшлифованные и доработанные стихи стали печататься в городах Поволжья, центральных российских изданиях, в журналах «Сельская молодёжь» и «Волга». Работал он в 1955-1980 гг. (с перерывами) корреспондентом газеты «Знамя труда».

В этой же газете я тоже начинал журналистом в 1990 году. Просматривая старые подшивки, мало обращал внимания на рассказы и стихи с подписью Потёмкин или Зимняков, так как был журналистом и мало интересовался литературой. А зря. Готовя к изданию эту книгу стихов Геннадия, я вновь обратился к тем же подшивкам, но уже как писатель. Трудно не заметить его талант и в прозе (я насчитал около двух десятков замечательных рассказов), и в стихах, его отличное знание фактуры, в данном случае сельской, динамичности и остросюжетной направленности. Более точные оценки стихам дали профессиональные писатели (опубликованы в конце книги).

Но главной целью своей жизни Геннадий считал издание отдельного сборника стихов. Он просто бредил этим. Несмотря на то, что он женился по любви на хорошей девушке Серафиме и отъездом на её родину в Арзамас, его жизнь пошла наперекосяк. Постоянно мучила серьёзная болезнь, трагическая смерть матери (сгорела вместе с домом). Заработанных денег катастрофически не хватало, на присылаемые из газет и журналов скудные гонорары можно было лишь посидеть со своими друзьями журналистами и писателями за бутылкой вина, чтобы снять накопившиеся стрессы. В литобъединении «Черемшан», а также в подобных кружках в Арзамасе и Горьком (ныне Нижний Новгород)

местные писатели, члены Союза писателей после детального разбора его стихов давали рекомендации для центральных изданий. Но их мало печатали, для отказа придумывая разные причины.

Из письма к Валентине Мосиенко: «С публикациями в периодике - одна морока! Окончательно убеждаюсь: нужны личные контакты. Даже у Толи Жукова в «Новом мире» ничего не вышло с моими стихами. Он отдавал их заведующему отделом поэту Коваль-Волкову, а попали они к тем, кто (судя по двойным фамилиям, стоящим под ответами) распяливал на заре человечества Христа! А я ведь - насквозь Русский. «Стихи, - ответили они мне, - имеют определенные достоинства, но планка критериев поэтических публикаций в редакции сейчас значительно поднята» или «…ваши стихи не прошли по конкурсу». А вот из «Огонька» (тоже какая-то Анна Гедымин): «...Пишете Вы умело, профессионально владеете словом, формой... ряд строк, образов побуждают видеть в Вас художника, способного на многое...», или «…ваши стихи привлекают своей образностью, поэтической фантазией, искренней душевной интонацией. Однако...» , а дальше вежливо-наставительное «но к сожалению …». Сказали бы честнее: «Мы де Вас, тов. Потемкин, не знаем и знать не хотим...».

Геннадий видел и чувствовал, что есть люди, даже из числа литераторов, которые осторожничают, приспосабливаются к любым обстоятельствам и мнениям. Они могут идти против своего ума и души, лишь бы жилось им спокойно. Они такие причесанные, прилизанные, смирненькие, ну, как манекены в промтоварных магазинах!

И обязательно партийные, то есть благонадежные.

Такие литераторы легко и много печатаются, встречаются с читателями, выступают по радио, телевидению. Лезут, как говорится, во все щели, приобретают известность. А пишут серенько, пресно, холодно, бездушно. Читатель это видит, чувствует и отворачивается от них.

Стоит ли так жить, задаёт он себе вопрос. И сам же на него отвечает. Я не встречался лично с Геннадием Васильевичем, но его рассуждения из письма к В.М. (так сокращённо он подписывал свои тёплые посвящения в стихах Валентине Мосиенко) полно и по существу характеризует его со всех сторон. «Настоящий литератор (особенно поэт), - пишет он, - человек мятежный, неподатливый, даже самолюбивый (гордый), обидчивый (легко ранимый), печальный и веселый, безалаберный, бескорыстный и добрый, безбоязненно пропускающий через свое сердце все токи жизни. Он не может быть ежедневно одинаковым. Он постоянен только в одном: в

любви к родной земле, к простому люду. Пишет и пробивается к читателям он трудно (за редким счастливым исключением). Еще труднее живет, презирая спокойствие. У меня так все и получается (за исключением спокойствия). А чем все это кончится - не ведаю. Но я живу по совести, по чувствам, не прибегая к умственным изощрённостям. Я вижу светлых людей, верю в них. Они поймут и поддержат меня. Сегодня же я живу только верой в себя. Да еще ты... Ты - единственная сейчас, кто искренне болеет за меня, верит в меня, делает мне добра и этим прибавляет мне сил и вдохновения. Спасибо, голубушка».

Лишь Валентина его понимает, защищает, поддерживает в трудные дни не только духовно, но и материально. В сборнике немало таких посвящений и «Валюше», и её мужу Виктору.

Среди его искренних друзей был и остался им до конца жизни наш мелекесский писатель «от сохи» (работал в совхозе имени Н.К.Крупской бухгалтером), ставший классиком российской литературы, позже перебравшийся в столицу. Снова цитирую письмо к Валентине Мосиенко:

«О Толе Жукове я тебе однажды писал. Это профессиональный прозаик (из наших, мелекесских), окончил в свое время литинститут, работает в «Советском

писателе», хочет как-то помочь мне издать сборник там, в столице. Я познакомился и подружился с ним еще в

студенческую пору. Съездил к нему в Москву. А в издательстве «Советский писатель», где он работает, его не оказалось... Он находился дома после операции. Поехал к нему в Люберцы. Встретил он меня просто и мило. Посидели за обедом, потом перешли в его кабинет. Толя сразу стал просматривать мою рукопись. В целом, как я понял, рукопись произвела на него впечатление. Он сам отвезет ее в «Современник» и поговорит, чтобы к ней отнеслись повнимательней, а то, заметил он, там всякие люди подвизаются, порой «слепо режут» рукописи. Уехал от него с хорошим настроением и со светлой надеждой... Интересно и светло пишет. Талантлив, а вот поди ж ты, тоже не гремит...

Странная какая-то эта штука - известность. Без конца лобызает тех, кто ее и не заслуживает, а от достойных отворачивается. Капризная мадам...».

И опять его мечты о сборнике. Из письма к В.М.:

«Валюша, если не при жизни, то вскоре после моей смерти сборники у меня выйдут - в Горьком, в Москве, а там - Бог даст, - в Саратове или Ульяновске. Правда, из Москвы пока ничего нет... И еще хочу составить из

наилучшей своей лирики сборничек стихов для Ульяновска.

Перетасовываю и пропускаю через машинку около 400 стихов. Готовлю поэмы, иные крупные вещицы...».

«Милая Валя! ...Спасибо тебе за литстраницу. По-новому взглянул на свои стихи. По-прежнему удовлетворен ими. И публикация на сей раз хорошая, без всяких помарок. Сразу же пошарил взглядом вокруг нее - нет ли лескинских стихов. Их, к сожалению, не оказалось...

Оказывается, жизнь Диму (Лескин, мелекесский поэт, примечание Н.С.) тоже каким-то образом изрядно потрепала, подорвала здоровье и теперь держит его, как я понял, в тягостных тисках быта. Зовет меня в Мелекесс. Я, как мог, взбадривал его, пообещал всячески помочь ему, как только окажусь в Мелекессе. Думается мне, что он там совсем одинок…

...Когда буду в Мелекессе, приведу в порядок имеющиеся у меня письма, записки, заметки. Верю, составится любопытная книга. Возможно, примусь за крупный роман. Давно его уже обмозговал, уже приступил к нему урывками.

...Хочу решительно вторгнуться в большую литературу. Уже есть с чем делать это уверенно, и я уже знаю, как это начать. Ну, а загнусь - прибирай к рукам весь мой архив

(про письма не забывай, особенно берегите, что от близких мне литераторов - Благова, Жукова, Рябинина, Рачкова, Еремеева... Разбери этот архив «по косточкам» с толковым и чистосердечным писателем, отберите все лучшее и не дайте этому пропасть, будь хозяйкой публикаций, вплоть до сборников...».

А так он пишет о себе: «У меня больше народности, напевности, разнообразия ритмов. Словом, я - это я. Пусть не самобытен - традиционен, предан русской классике и народному творчеству, но самостоятелен. И теперь уже и сам себе признаюсь - состоявшийся поэт. А кто и как меня расценит - Бог им судия!».

Могу только добавить к его словам, что ни я, ни бог точно не будем судьями. А по достоинству и с профессионализмом оценить его творчество могут лишь профессиональные писатели, члены Союза писателей России после того как они ознакомятся не только с этим сборником, но и со всем его разнообразным по жанру творчеством в газетно журнальных публикациях, и с любезно предоставленной личной перепиской поэта со школьным Учителем, самозабвенно любящим любую поэзию, но непререкаемым авторитетом остаётся творчество своего друга, сокурсника, самобытного русского писателя.

Пользуясь случаем я тоже выражаю глубокую признательность Валентине Павловне за то, что она честно и высоко пронесла через всю жизнь свою дружбу, любовь (это видно из переписки и этому факту не нужно стесняться) к бессребреннику, простому русскому парню, непризнанной , но явно одарённой личности. За то, что затраченные финансы на издание этого сборника не стали для неё выше личного благополучия. Хотя в сегодняшнем мире как раз наблюдается всё наоборот. Для нынешнего поколения её пример будет ещё одним не виртуальным, а реальным примером высокой нравственности и долга прошедшего поколения.

Отдельный сборник Геннадий так и не смог издать. Но он его всё же составил из своих лучших произведений и, в это трудно поверить, от руки переписал в блокнот формата

А 5 , и оформил как книгу. Проставил страницы (180 штук), составил Содержание из 145 стихотворений и с дарственной надписью (приведена на первой странице данного сборника) вручил его своей Валюше.

Отходя в мир иной в 1993 году он предвидел финал и ещё за несколько лет до этого дня выразил в виде посвящения художнику Саврасову:

Умирал в нищете и безвестности,
В тусклом свете холодного дня,
Одиночества, мрачности, бедности, -

Ничего, никого не кляня.
……
Свет-Россия, заря незакатная,
Как помянет певца своего?

Николай Сёмин,

член Союза журналистов России,

член Союза писателей России

(Московское городское отделение),

г.Димитровград

. . . Россия,

Родина,

радость моя.

Как ни бывает тяжело на Родине, -
За нее держусь и ей горжусь.
При любой житейской непогодине
На нее, святую, не сержусь.
Припаду к земле сердечной раной,
К травам и цветам прижмусь щекой.
Полежу немного так и встану.
Все пройдет , все снимет как рукой.
Облегченно подышу всей грудью,
По лесу пройдусь и по лугам…
Словно из больницы, из безлюдья
Поспешу к деревне, к землякам.
Где-нибудь на бревнышке у дома,
Раскудрявя папиросный дым,
Посижу, поговорю знакомо
С человеком добрым и простым.
… Если жизнь дождями да дождями
Мне вконец всю душу иссечет, -
Может, насмерть разобьюсь о камень.
Родина тут будет ни при чем!
1973 г, Мелекесс

Почему называется Чёрной

Эта мелкая речка
С родниковой водой?
Потому ль, что над ней
Чернолесье сплошное…
Без него бы
Могла быть она голубой –
От погожего неба,
Незабудок прибрежных…
А склонялись бы если берёзы над ней, -
Называли б её, может, Светлой.
Ну а так –
Под навесом беспросветный ветвей –
Ей темно,
И сама она кажется тёмной,
Но лишь кажется…
Вы наклонитесь над ней –
Так прозрачна!
Не Чёрной назвать бы –
Пречистой:
Разглядишь все песчинки на дне.

…А дома тенистый под кленом дворик,
Забывший, наверно, мои шаги;
Блестят самоварами в окнах зори,
Над скатертью белой грустят васильки…
И пруд под горой, и кусты краснотала,
Капустников свежесть густа, зелена…
Картошка за избами сникла устало –
Кустистой, кудлатой уж стала она.
Уж осень туманцем дымит на подходе.
Дыхание рассветов озёрно, свежо.
…Охапки ботвы подожгут в огороде
И печку затопят в избе… Хорошо!...

Белёсая, стылая мгла окоёма.
Околица. Птицы над мутным леском.
Дымок из трубы краснокрышего дома.
Продрогший вишенник с последним листком.

Поленница дров во дворе, у сарая.
Старуха, над курами сгорбясь, стоит
И словно их крестит, зерно раздавая;
Оконную раму старик мастерит...

Гляжу на всё это, бездомный, с пригорка.
Хозяйство у старых и, может, семья.
Завидно становится, больно и горько:
В житейских мытарствах измучился я.

И тянет меня к тем воротам тесовым,
Во двор тот, к старухе той и старику.
Побыть возле них, перемолвиться словом,
Погреться у печки, смягчить бы тоску…

И я уже к дому по тропке спускаюсь
И в тёплую верю его доброту.
Но... тронуть щеколду ворот не решаюсь.

И дальше –
В предзимнее поле –
Бреду...

Розами цвело и пахло утро.
Как из мела, портики в садах
Веяли румянами и пудрой...
Море было в двадцати шагах;
Нежилось кисейными волнами
На песке голышах цветных...
Был за высокими горами
От лесов и от полей родных.
Негу знал, суровости и не видал,
И витал, беспечный в облаках.
Райский плод не ел уже - лишь тведал,
Просто так держал порой в руках.
Юных сил был полон и веселья.
А хотелось грусти. От чего?..
Виделись мне избы за метелью,
И тянуло к ним больней всего.
Скоро я увижу их. Сначала
Издали еще к груди прижму.
Близко подойду (дохнут мочалом).
И узнаю, как в них, что к чему.
Расстанусь с ними ненадолго.
Через год вернусь опять сюда.
Снова окачусь родимой Волгой
И при ней останусь навсегда.
Отцвету черёмушником. Лето

В зной и дождь устало простою;
Встречу осень, в рубище одетый;
Испытаю зимушку свою.
От морозов, по ночам трескучих,-
Будет сниться летняя жара –
Лопнет на стволах моих и сучьях
Вроде б уж округлая кора.
Вот они - терпи теперь! – суровость
И - ты звал её когда-то - грусть.
Что же, мне они уже не в новость,
Я уже их знаю наизусть.
«К нам бы, к морю, снова возвратился, -
Мне дает совет южанин - друг. –
В дерево сухое превратился,
Будто злой в тебе какой недуг...»
Полно. Страхи нагонять не надо.
У всего своя, одна пора.
Было утро, в розах всё, когда-то,
Нынче - вечер с проблеском заката,
С простенькой рябиной у двора...

Лугов зазеленевших скатерти;
Лучиться солнце сквозь ветлу...
Земной поклон - покойной матери,
Её могиле. И – селу.
В котором я впервые родину
От неба до земли познал;
Не выл по-волчьи в непогодину,
В затишье грудью всей дышал.
Где просто жил, без всякой броскости.
Колол дрова, картошку рыл...
Однако не был и бескрыл.
Всё крепче прирастал к народости,
И в плясках к ней, и в плачах был...
Распевной нашей Волге... Воложке,
Её привольным берегам,
Раскидистой берёзе в полюшке
Глубоким травам и снегам...
Избе и с ней сосны смолистой,
Ключу под синим ивняком...
Добру людскому, правды чистой –
Земной
И вечный мой
Поклон.

Радость моя, Россия!..
Ранняя осень. Покой.
Вёдро. Опушки лесные
Звон усыпил золотой.

Тихо под солнцем стернёю
Полюшко – поле блестит,
Речка – пречистой волною,
Листьями – стайка ракит…

А на холме, за лугами,
Как деревянный собор,
Небо достал куполами
Бурый и бронзовый бор

Трепет весёлого взора,
Сердца восторженный стук:
Столько сегодня простора,
Света и красок вокруг!

Пусть загрущу, обессилю,
Сникну когда-нибудь я,
Ты мне поможешь, Россия,
Родина, радость моя.

Валя! Это — Я! Г. Зимняков 3 ноября 60 г. Мелекесс.

Геннадий Васильевич Зимняков родился в 1936 году в селе Карсуне Ульяновской области. В 1955 году окончил среднюю школу. В настоящее время работает литсотрудником межрайонной газеты «Родина Ильича» и заочно учится в Мелекесском педагогическом институте.

Со стихами в печати Г. Зимняков впервые выступил в 1954 году.

Цикл стихов «Тропинка», который составляет часть настоящего сборника, — первая серьезная встреча молодого поэта с читателем.

А тут начинается моя Поэзия!

КРАЙ РОДИМЫЙ

Он березами светел,
Облаками высок.
Осень — листья, да ветер,
Да мельканье сорок.

А зима, словно тройка
Белоснежных коней,
Скачет с посвистом бойким,
Только вьюги за ней!

Май — зеленые свечки
На сосенках не счесть,
Подсиненные речки
И грозы первой весть.

Лето — эхо лесное,
Млеют травы в лугах,
Рожь полощется в зное,
Бродит солнце в цветах.

3

«Мамин голос

тихий слышу,

Только слов

не разберу . . .»

ПРИМЕТА

Постучала под окном синица.
Поглядела на пичугу мать,
Перестала варежку вязать
(Прозвенела под ногами спица).
«Быть письму!» -
Обрадовалась мать.
И уж думает, что сыну отвечать:
«Что ему я нынче напишу?
Что подшиты валенки ношу?
А куда мне в новых…
Я ему
Пропишу, как у меня в дому:
Мол, чисто…
Мол, стены - чистый снег!..
Солнышко горит на половицах…
И просторно, и тепло…
Да мне…
Мне одной не спится, не сидится…
Для тебя, мол, дом-то стерегу,
Да тебя дождаться не могу…»

Погляжу на мать чужую –
Вспомню с горечью родную.
Много лет уж мамы нет,
И пригашен белый свет.

Много лет не рад бывало
Зацветающему маю:
В мае маму хоронил,
Задыхался средь могил.

Было солнце (говорили),
В суматохе птицы были…
Я не видел ничего,
Было всё вокруг мертво.

Только помню, как у Волги
С неподвижным взором долгим,
Будто каменный, сидел
И в песок сырой глядел…

С той поры река родная
Стала мне ещё родней;
Чуть на сердце боль какая –
Словно к маме, тянет к ней.

ВАРЕЖКИ

Одни лишь они остались
От маминых дел.
Когда они ею вязались? –
Припомнить бы нынче хотел.

А-а, вспомнилось... В избу под вечер
Взошёл я с охапкою дров,
И мама сказала навстречу:
«Снежок на дворе-то. Покров...»

Она у окошка сидела
со спицами в тёмных руках
И с начатой варежкой белой,
В зелёных каких-то цветах.

Подтопок тогда растопивши,
Чуток посидев у огня,
Над мамой склонился я: «Ишь ты!..
Художница ты у меня.»

А мама, смутясь, отвечала:
«Мне к этим бы ниткам - других,
А то вот цветов намарала
Зелёных - не тех, не таких…»

Но варежки вышли на славу.
Невестке их мать поднесла:
«Носи, коль придутся по нраву,
Не ради красы - для тепла...

И вот их жена сберегла.
Сегодня из шкафа достала.
Увидел я - кинулся к ним,
Привялым слегка, залежалым...
До боли в груди дорогим.

Провожала мать меня,
Сизая голубушка.
Сизая голубушка
Провожала, плакала.

Что сказать!.. Я закурил,
Поглядел на шаль её,
Поглядел на шаль её
И на щёки мокрые.

- Ну, прощай, -
Обнял… пошёл…

А навстречу - ветер мне,
А навстречу - листья мне,
Жёлтые, кленовые…

Ко мне приезжает мама –
Светлее не бывает дней.
Да только в году их мало:
Всё некогда, некогда ей.
Знакома ль вам, не знакома
Такая радость, а мне,
Лишь вспомню, что мама дома,
Работать легче вдвойне.
И как же грустно бывает,
Когда через день или два
Она опять уезжает,
Успев погостить едва.
«И у меня ведь работа…» –
Несмело мне говорит.
А мне задержать охота,
А мне задержать охота
Тот поезд, что к ней спешит!

Взгляни на мать…
Как яблонька сухая.
Как суховеем вся опалена…
Болящих рук не покладая,
В заботах горбится она.
Идёт - как будто ветер сбоку
Её в сторонку всё теснит…
Умрёт, наверное, до срока,
Но про усталость промолчит.
А ты её вчера обидел.
Заставил прятать горстку слёз;
Померкших глаз её не видел,
Не замечал седых волос
И плеч худых,
С которых платье
Свисает косо до земли…
На голову свою проклятье
Ты за вчерашнее пошли!
А матери достань из сердца
Тепло простых немногих слов,
Каких не говорил ей с детства,
Как не дарил с тех пор цветов.

Подбирает мама картошку,
Над опалой склонясь ботвой;
То с ведром, то с ветхим лукошком
Поспевает едва за мной.
Налегаю я на лопату,
Курни крепкие ворошу,
Сам за мамою –
Взгляд за взглядом –
С тёплой грустью в душе
Слежу.
Исхудала опять за лето.
Снова в старенькое одета.
Руки сухонькие в земле
И земля на щеке, на челе…
Говорю ей:
«Когда же мама,
Переедешь ты в город к нам?»
Отвечает:
«Охоты мало…
Огорода не будет там…»
Говорю:
«Да ведь ты устала!
Дунет ветер - и упадешь…»
Мама тихо в ответ сказала:
«А без дела с тоски помрёшь.» –
«Ты сейчас бы хоть разогнулась.
Сам нарою и подберу…»

Но она рукой отмахнулась
И опять припала к ведру:
«Не устала ещё, сынок.
Ты бы сам отдохнул чуток…»

Тебе пожаловаться, Волга?
Тебе, Россия?.. тяжело,
Когда неправедное зло
Тебя преследует, как волка!
И даже близкий человек
С тобой на грани отчуждения.
И если снег, -
Свинцовый снег;
А сад цветущий –
Без цветения.
Что сад!..
Всё кажется постылым.
Куда пойти? Кому сказать?..
И горько-горько вспомнишь мать.
И... Сникнешь у её могилы…
Но вдруг и там –
Больней всего! –
Хлестнет по сердцу мысль шальная:
Когда-то мать была живая,
А ты ещё искал - кого?

Какую женщину? Какого
Собрата?.. мыкался - не жил.
И часто от крыльца чужого
К своей калитке не спешил.
И не гасила мама долго
Печали слепенькой свечу...
Тебе пожаловаться, Волга?,
Тебе, Россия?.. Промолчу.

Средь равнинного раздолья,
Возле речки, возле поля –
Одинокая ветла,
И печальна и светла.
Мне она покойной мамой
Что-то издали кричит
Из жары, дождя, тумана...
Подойду - она молчит.

Лишь сквозь ветви проступают
Мамины глаза. Грустят.
И жалеют, утешают:
«Не печалься»,- говорят.

Мама, мама ... Чуть не плача,
Припадаю я к стволу
И смотрю в него незряче,
Будто в пашню, будто в мглу.

Мамин голос тихий слышу,
Только слов не разберу.
А ветла то ровно дышит,
То вздыхает на ветру...

ПРЕДНОВОГОДНЕЕ

Пусть эта полночь будет дивною
Без ёлки и её огней...
Зажжём свечу декоративную,
На стол поставим. Рядом с ней
Положим веточку еловую –
Одну, простую, без всего...
Придвинем яблоки медовые
К шампанскому, и для него
Достанем радостные, звонкие
(Не доставали их давно)
Бокалы, точно льдинки тонкие...
И в них засветиться вино...
И, вроде б грустные, задумчиво
Друг другу улыбнёмся мы.

И выпьем не спеша шипучего.
За что?.. За тишину зимы...
Возьмем по яблоку. В молчании
На свечку, может, поглядим.
И, вспомнив: жизнь-то-как свидание,
Всерьез немного погрустим.
Хотя... Тебе грустить не надо.
Нисколько. Я взгрустнул один,
Когда коснусь тихонько взглядом
Твоих морщинок и седин…
Да-а... стелет холсты метелица,
Как это подметил народ.
Зима у него - рукодельница:
И вяжет она, и прядёт...
И снова мне мама видится
В белёсом расплыве окна.
Хочу к ней, понурой, приблизиться,
Да ведь на погосте она...

Ах, мама, мама....
Все печали на одной сошлись.
Плачет память пигалицей-птицей...
Думал - буду с матерью всю жизнь,
Думал - ничего с ней не случится.
А случилось. И четвертый год
Писем мне своих она не шлет.
И моих не ждет. И, как бывало,
Если встреч со мною поджидала,
Не стоит у стареньких ворот.
Нет ее. И дома тоже нет.
Только от пожара черный след.
Зарастет кипреем и крапивой...
Да стоит, в ожогах, сиротливый,
Наш веселый, наш тенистый клен.
(Был таким. Теперь-то сохнет он...)
Я гляжу на пожилых крестьянок,
Где ни встречу, с теплотой гляжу,
И, бывает, у таких волжанок,
Мамины черты вдруг нахожу.
Как тогда стесняется дыханье!
Замирает сердце. И глаза
Людям выдают мое страданье:
Скороспела горькая слеза».

Посвящения

Жене Серафиме…

Помоги мне, Серафима,
В эти мутные дожди
Злато пламенный, без дыма
Костерок разжечь в груди.
Чтоб на сердце посветлело,
Потеплело… Зябко мне…
Осень сгасла, облетела.
Пусто, холодно в окне.
Мне пойти бы разгуляться,
Только некуда идти;
Мне бы с другом повидаться,
Только где его найти?..
И любовь невоскресима –
Та, несмелая, твоя…
Серафима, Серафима,
Свет мой, солнечность моя!..
Все ли помнишь зло?.. Не надо!..
Дни припомни, что цвели,
И хоть искорку отрады
Вместе с весточкой пришли.
Я ту искорку раздую –
Вот и будет костерок.
Он погодушку гнилую
Золотою б сделать мог.

Пролилось бы солнце снова
Через край моей души…
Серафима, только слово,
Слово светлое скажи!
1973 г, Мелекесс

СЕРАФИМЕ

Посумерничаем, подруга;
Ночь в бору за двором пока.
Улеглась под окнами вьюга,
Поглядим на ее шелка.
Посидим задумчиво рядом,
Изумрудных звёзд подождем;
Ни о чём говорить не надо,
От всего давай отдохнем.
Приостывшим сердцем теплея,
Молча я могу подтвердить,
Как ценю тебя, как жалею,
Как с тобой хорошо мне быть.
На плечах твоих шаль поправлю,
Нежно к ней щекой прильну...
Никогда тебя не оставлю
В стылый сумрачный час одну.

СИМЕ

Есть жены
- лишь для мужниной души.
В годах супруги.
Страсти им не надо...
Ты женщиной такою дорожи,
Как в стужу - теплотой,
в жару прохладой,
Как верным другом,
Доброю сестрой,
Когда после житейского ненастья
Нужны бывают солнце и покой,
И чье-то милосердное участье.

СЕСТРЕ

Нет у нас мамы. Ушло наше счастье.
Нет у нас мамы - она умерла.
Из песни.
Скорей бы весны быстрокрылой прилет.
Село навестим дорогое.
Крестами погост из-под снега взойдет,
Покроется вновь муравою.
Три деревца выберем в теплом лесу
И к маме придем на могилку.
Березоньку я и дубок принесу,
А ты принеси-ка рябинку.
Посадим их тихо. Пусть дружно растут.

Мы тоже ведь смерти сдадимся.
Но долгие годы деревья живут,
И в них мы втроем превратимся.
И будем на том косогоре стоять...
Я вижу уже, как над нами
Береза встает - беспокойная мать -
И нас прикрывает ветвями...

СЕСТРЁНКЕ ВАЛЕ

Будто бы чужие даже
Мы теперь, сестра, с тобой…
Вспомним, Валя, детство наше
Опаленное войной.
Мы тогда дружнее были.
Горько, больно было нам.
В одежонке жалкой стыли,
Сидя рядышком, делили
Голод лютый пополам.
Подросли – и труд подняли,
Непосильный труд до слез.
Руки – ноженьки дрожали,
Словно крылышки стрекоз.
Но жалели мы друг друга,
И бодрее в город шли,
И не все нам пела вьюга –
И цветы для нас цвели.
Что ж теперь?.. Мне грустно, Валя…
Где ты холодность берешь?..

Если беды и печали,
Будто льды, меня сковали, -
Ты руки не подаешь.
Не хвалю за непутевость
Я себя. Но почему
У тебя в глазах суровость
Не ко мне лишь одному?
Все тебе не так, не эдак,
Все тебе нехороши…
Неужели пепел это
Остывающей души?!
Не согреть и не согреться…
Тяжело, сестра, так жить –
Не держать теплинки в сердце,
Доброты в нем не хранить.
Я тебя не упрекаю,
Не ругаю… Бог с тобой.
Я к чему-то вспоминаю.
Холмик с высохшей сосной.
1973 г., Мелекесс

ПРОСТО ЖЕНЩИНЕ…

Ах, какая всё же птица
Неожиданная ты!
Черноброва, темнолица,
А глаза в густых ресницах –
Как цикория цветы!

Ты росла в степной деревне,
А теперь в лесу живёшь.
Нянчишь малые деревья,
Молодые бережёшь.

Засмеешься – лес смеется,
Запоешь - весь лес поет…
При тебе лесное солнце,
Как подсолнечник, цветёт!

Знаю, ты мне станешь сниться
Сквозь листву, траву, цветы…
Ах, какая все же птица
Неожиданная ты!

О где ты, женщина, -
Страстная и нежная!
Строгая,
Как брачная ночь,
И нежная,
Как розы лепесток,
Веселая,
Как зеленый шум,
И грустная, как поздний листопад,

И – добрая,
Как та…
Одна, одна –
Простая незабудка из села,
Которая мне звездонькой была
И вдруг –
Погасла!
Скрылась навсегда.
1973 г, Мелекесс

Лиловая и белая сирень.
Две прелести у молодого лета.
Две женщины стоят в погожий день,
В лиловое и белое одеты.

Та, что в лиловом, - краше и нежней,
Повеселей, надушена сильней…
А та, что в белом, - тихая простушка,
Но приглядеться - тоже не дурнушка.

У первой что-то есть от госпожи,
А у второй - от скромницы служанки.
Влюблён в обеих. Обе хороши.
Но предпочтенье отдаю белянке.

СЕЛЬСКОЙ УЧТЕЛЬНИЦЕ

В глухом селе, обросшем лесом,
Сейчас завьюженном зимой,
Ты вспоминаешь ли меня – повесу
Из нашей юности шальной?
А я, тоскующий полынно,
Студентом вспомнивший себя,
В степи студеной и пустынной
Подумал нынче при тебя.
Увидел, как идешь ты в школу
Вдоль белых утренних дворов,
С гурьбой своих учеников
И входишь в школьный шум веселый…
Как ты отходишь от колодца
(На коромысле – два ведра,
А в них сквозь пар сверкает солнце,
Хрустит морозная вода)…
Как топишь печку спозаранку,
И тесто месишь, хлеб печешь…
Интеллигентная крестьянка,
Ты просто и светло живешь.
А я…
В селе, обросшем лесом,
Сейчас завьюженном зимой,
Припомни пушкинские «Бесы» -
И ты поговоришь со мной.
Январь, 1974 г

ЧУДНОЙ ЖЕНЩИНЕ

В сиреневых сумерках, в море лиловом
Румяная тихо плескалась луна.
И в платье малиновом, с розой бордовой
Душистым бульваром шла дама одна.

Глаза ожиданием, туманясь, томились.
Цыганский грустил у виска завиток.
Искрясь босоножки во мгле серебрились,
Неспешный её украшая шажок…

Вослед ей смотрю до сих пор,
Вспоминаю:
Уходит с матросом в прибрежную синь…
Я к женщинам чудным подхода не знаю,
Но верю с той ночи в доступность богинь.

И СНОВА Я ТЕБЯ БЛАГОДАРЮ…
(Валентине Мосиенко)

Письмо

Привет, Валюша,

Здравствую, золотая!..

Родная осень снова настает,

А у меня опять тоска, такая…

На весь дождливый хватит небосвод.
Дни тянутся не кликом журавлиным
Больней и тягостней…
Так лошадь в грязь идет,
Когда за ней – телега будь то в тине.
И с той телеги злой мужик орет,
Чтоб шла она каналья веселее,
А ей идти так, может быть невмочь…
Здесь всякий день мне кажется светлее,
Темнее кажется любая ночь.
Считай, что я – в глухих и голых скалах,
В которых жизнь не сразу разглядишь.
В глазах моих, задумчиво-усталых, -
По взгляду чувствую –
Бестрепетная тишь.
В груди – пустыня с выжженной травою,
Проросшего сквозь вековой песок…
Считай, что я- под крышкой гробового,
На что-то мне с надеждой небольшою
На сердце дует, как на уголек.
Авось расшевелится. Разговорится.
И я еще услышу. Как поет
Перед отлетом кочевая птица.
Увижу леса лиственный облет…

В.М.

Завидую тем соснам, той дорожке,
Где каждый день проходишь ты.
Тебе у дома прямо в ножки
С газонов падают цветы.
А мне тебя не увидать, не встретить,
Куда-то там не проводить...
Спешу вот на письмо твоё ответить,
Да что!..
Писать - не говорить.

В.М.

Благодарю тебя за доброту,
За твой уют, в котором я спасаюсь,
Когда бывает мне невмоготу
И я куда глаза глядят бросаюсь.
А прихожу к тебе… Прости меня,
Нежданного, нерадостного гостя,
Пришедшего из пасмурного дня,
Из осени плакучей на погосте.
Но хочется мне света и тепла,
И твоего в судьбе моей участья.
Вокруг меня – какая-то все мгла,
Я все иду как будто по ненастью.
И ты прости, что я в глаза твои
Гляжу, как больше не гляжу ни в чьи.
Люблю тебя любовью запоздалой,

Неловко, молча… Сам я виноват…
Вернуться б нам лет на десять назад –
Прошел бы я с тобой как с розой алой.
Ну и теперь сижу вот и смотрю,
Как ты свою дочурку наряжаешь,
И снова я тебя благодарю,
Что ты сейчас меня не замечаешь.
Пусть горечь одиночества пройдет.
Она сейчас до слез мне сердце жжет.
1973г,
Мелекесс-Совхоз

В.М.

Ах, осень… Для меня она - отрада
С багряно-бронзовым и солнечным листом,
С лужайкой изумрудной,
Жёлтым садом,
С огнём в печи, поэзией, вином…
Ты всё это прими с моим приветом…
Коль не смогу - сходи к рябинам ты.
Ну а пока,
Прощаясь с бледным летом,
Гляди на предосенние цветы.
Они передо мной тут промелькнули
На днях, как быстротечные огни,
И по глазам слезами полоснули…
Иль это были росы?
Да, они!

В.М.

Устала ты от всякой суеты.
Сочувствую. А что сказать - не знаю.
Ты полевые помнишь ли цветы?..
Тебя я к ним сегодня призываю.
К ним приглядись. Да и к самим полям.
В глубь неба взглядом и душой проникни.
И в лес войди, в цветение полян;
По капельке съешь горстку земляники...
И осознай, что быть всегда пчелой,
Как ни похвально, всё же не годится.
Побудь еще былинкою простой
И посиди в березах праздной птицей…

В.М.

Октябрь на исходе. Дожди, холода...
Проносятся бурые тучи над лесом;
Вдруг вижу: меж ними в прогале белесом
Сверкнула осколком хрустальным звезда.
Вечерняя, первая… Сумрак сырой,
Который мне на душу тяжко ложится,
Как проблеском радости раз и другой,
А вот и ещё, и ещё осветился!
Проносятся тучи. Мелькает звезда.
Ловлю её взглядом средь моря ненастья:
Глядите, печаль моя, боль и беда,
Она это мне…мне сверкает на счастье!

И я уже вспомнил о женщине той,
Что издали шлёт мне своё состраданье
Такой же единственной чистой звездой,
И верю я в новое наше свиданье.

В.М.

Когда… что был я, всяк забудет,
А сердце доброе твоё
Ещё печально помнить будет,
Мы снова посидим вдвоём.
Возьмёшь ты томик этот. Строки
Глазами вновь переберёшь,
И где-то в них мелькнут сороки…
Ты в лес войдёшь, в луга и рожь…
И постоишь под листопадом,
По снегу первому пойдёшь…
С улыбкой тихой, с грустным взглядом
Закроешь книгу и вздохнёшь.
И, может, скажешь: он поэтом
Шёл сквозь ненастный быт на свет;
Хотел большое встретить лето,
Пока не выдохся на нет…

Студентке с улицы Садовой…

(Ирине Резковой)

Морозные узоры на окне,
Малиновые, красно-золотые…
Весёлость пробуждается во мне
За месяцы последние впервые.

Я чувствую зари бодрящий свет,
Всю красоту заснеженного утра...
На всех берёзах - розовая пудра;
Они вот-вот начнут большой балет.

Хрустально синий занавес звенит,
Всё выше поднимается, и поле
Ждёт балерин сверкающим раздольем,
И солнечный оркестр уже звучит.

Пошли берёзы! Кружатся слегка,
Прозрачно белые и голубые.
И осыпаются, как иней, облака…
Ах, зимняя кудесница Россия!..

РОМАНС

(Ирине – Резковой)

Капели звон – совсем не новый,
А мне волненья не унять:
Студентка с улицы Садовой,
Ты мне привиделась опять.

Опять с обледенелых клёнов
Стекает солнце в талый снег.
С тобой мы сходимся влюбленно
На час какой-то и – навек.

Навек! - Так думалось, решалась,
И пелось в радостной крови.
Но тонкой резинкой оказалось
Всё в той весне и в той любви.

В любви, хватившей на свиданья
Под ту капель в хрустальный снег.
И лишь мои воспоминанья
С горчинкой талою – навек!

Посвящения всем кого люблю и почитаю…

ДОЯРКЕ

Обливается огненным солнцем
Над бидоном с парным молоком
И чему-то гортанно смеется,
Запрокинулась к небу лицом.
Белизна из подойника льется,
Из-под яблочной спелости рук.
Смех под блузкой белой трясется
Возле белых голубок двух.
Разрумянилась. Рожью волнистой
Разметала вязанку волос;
Вся как будто сияет лучисто
Среди стада, подруг и берез.
Поглядишь на такую – отрада!
Ей и в трудной работе цвести,
И по жизни идти – как по саду
Легкость в теле здоровом нести.
1973 г, Совхоз им.Крупской

ПОЭТУ СЕРГЕЮ ОСТРОВОМУ

(Экспромт)
Я мало, мельком вас читал.
Но вот лиловый томик взял
Все ваших же стихотворений…
Читал взахлеб. И так дышал –
К лицу как будто прижимал
(Зимой!) большой букет сирени.
Спасибо…
Май в душе моей!
(А на дворе – степная стужа.)
Теперь мне лучше – веселей,
А было много-много хуже.
И даже ваши грусть и боль,
Которых вы от нас не скрыли,
Мою подбитую любовь
На новые подняли крылья!
1977г., Совхоз

ОБРАЩЕНИЕ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА ИЗ КАЗЕМАТА К ЛЮБИМОЙ

Вы и я.
Каземат и суд.
Казнь или каторга _
Всё равно!..
Дни мои
Безмятежны тут.
Вижу с волненьем
Только одно:
Красный
Над всею Россией
Флаг!
И сквозь него –
Не печальтесь так –
Вашу улыбку,
Ваше лицо…
Белой акации
Свежий цвет…
Море…ваш дворик,
Ваше крыльцо…
Вы и я.
Каземата – нет!

ПАМЯТИ ДРУГА

Дм.Лескину

Опять осенняя погода
Со мной печально говорит.
Как ты... У края огорода
Рябина горестно горчит
И сосны пасмурные мнятся...
Ты в них живицу летом брал,
Жалея их... И забываться
Влезал на смутный сеновал.
И грезил там стихами... Друже!
Ты многое стерпеть умел...
Мне столько раз бывало хуже
И я - на ярый нож летел...
И, в окровавленной рубашке,
Бил в морду злобе кулаком!
Но ты в рубашке, - как в ромашке
Был вежлив с темным вахлаком.
И - пал! И нож его вонзился
Твоею смертью в сердце мне!
И вот... ко мне ты возвратился
Рябиной горькою в окне.

ПОРТРЕТ ПУШКИНА КИСТИ КИПРЕНСКОГО

В нём весь поэт, его природа:
Багряный, с позолотой, лес,
Холодные поля и воды
Под мглой волнистою небес…

И зимний вечер, и дорога
С кибиткой в полевых снегах,
Следящее за тройкой око
Луны в летучих облаках…

Усадьба: дом в сугробах, ели
В окошках красноватый свет…
Покойно всё. И до дуэли
На Чёрной речке десять лет.

Сулящий вдохновенье вечер.
И няня в доме…И камин…
И – стол, бумаги, перья, свечи…
И только он – их властелин.

Он взор и вдаль и ввысь бросает,
Не видя стен и потолка.
И кажется – к нему слетает
Звездой заглавная строка!..

РАДИЩЕВУ

«Не умирать, но жить страшиться должно»,-
Радищев мыслил, глядя на отраву.
И написал друзьям тогда: «Прощайте.
Когда сие письмо дойдёт до вас.
Я буду мёртв. Яд пресечёт мне дни.»
А уж Сибирь его осталась позади,
Шла служба новая на высоте… Но сердце
Всё помнило. Всё пуще презирало
Всё тоже рабство. Гневом разрывалось
И боль такая застила глаза,
Что он уже не в силах был вглядеться
И вздуматься в красу отеческой земли.
Ещё сентябрь стоял, и может быть.
В тот день светило солнце, пригревало.
Однако ночь была в его душе,
И он, уже устав её страшиться,
Не дрогнул, принимая ту отраву…
Какая ненависть, непримиримость!
Вот с кем восстал бы рядом Аввакум.

НАПОЛЕОНУ

Прощаем зло Наполеону?
Незауряден, как-никак.
Да и когда - а - вовремя оно
Ещё он был нам лютый враг.

А я всё вижу, как за сердце
Схватился князь Багратион
И встретил смерть. Не смог стерпеться
С тем, что в Москве Наполеон.

И слышу…Хмур, ворчит Кутузов:
«Да будут, будут падаль жрать,
Когда мы их погоним вспять!..»
И вроде б жаль мне тех французов:
Как
Погорельцев
Избивать?!

Н.Р.РЯБИНИНУ

День нынче - ясный и тихий,
Словно озерная гладь…
Красное поле гречихи
Издали вижу опять.
В бурых лохматых копёнках,
В рыжих кулижках оно…
Русская наша сторонка –
Полюшко это одно.
Так же, как пахнущий терпко
Солнечный луч в сенокос;
Или как белая церковь
В зелени старых берёз;
Или как роща сквозная
С жиденькой охрой листа;
Или как банька курная
Где-нибудь возле труда…
День нынче – ясный и тихий,
Словно озёрная гладь.
Сжатое поле гречихи
Вижу проездом опять.

ШАЛЯПИН НА ЧУЖБИНЕ

“Милая моя, родная Россия…”
(Из письма Ф. И. Шаляпина)

Он был по-прежнему
Великим и богатым.
Он пел…
И покупал пустые острова.
И тосковал –
Тускнел усталым взглядом,
И сердцем сох…
Седела голова.
Ах что ему
Роскошнейшие виллы,
В каких еще он сроду не живал!
Ему б опять
Под вечер златокрылый
Забраться на пахучий сеновал;
Во ржи зеленой увидать телегу,
В зной жажду терпким утолить кваском…
Ему бы в баньку русскую по снегу
Протопать бы медлительным шажком!
А Волга - матушка
И закрывал глаза он,
И, может, видя ширь своей реки,
Однажды сам себе,
Как бы сквозь сон,

Сказал он:
“Идут плоты, поют плотовщики…”
О милая,
О светлая Россия!..
И шёл он с изболевшейся душой
В таверну; пил вино там через силу,
Поникший,
Одинокий,
Совсем чужой!..

ЛЕВИТАНУ

Июньским утром,
Полыхнувшим жарко,
Нарвала он одуванчиков одних,
Прозрачно тонких,
Отжелтевших ярко…
Понёс домой,
Боязнь дохнуть на них.
Принес.
Поставил глиняную крышку.
Взял кисти, краски –
Принялся писать…
И то,
Что все устали замечать,
Легко топтать,
Как сирую былинку,
Земной красой
Вдруг стало поражать.

Н. МЕЛЬНИКОВУ

Запахи ромашки, молочая…
Полустанок, старенький перрон.
Я не провожаю, не встречаю
И не сяду ни в какой вагон.
Но я жду, хожу, курю, волнуюсь:
Скоро должен поезд подойти.
Постоять и в синеву степную
Быстро свою зелень унести.
Посмотрю в след… Грустные минуты…
Поезд плавно пропадёт вдали;
Отвернусь, почувствую: как будто
Пролетели к югу журавли…

ДУБКИ

(И. И. Новаеву)
Русые, вихрастые дубки
Выбежали из лесу к дороге.
В стужу - и без шапок.
Чудаки!..
Ну, да что им…
Стало быть, крепки.
И снежок на них, а не продрогли.

Закричат вот-вот грузовикам,
Шоферам в кабины:
«Погодите!
Прокатите, - скажут, -
По полям,
Вон до той дубравы
Довезите…»

«Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна…»

А. С. Пушкин

Мглистая, густая тишина.
Можно серый мех её потрогать.
Пушкинская зимняя луна,
Пушкинская зимняя дорога.
Вон и некий столбик верстовой.
Кромка леса чёрного. Равнина…
Русская старинная картина,
Будто освещенная свечой.

И гляжу я вдоль дороги вдаль,
Возле дома приоткрыв калитку:
Тройка не покажется ль с кибиткой?
Пушкинская тройка… Нету? Жаль.

Но смотрю и – чудится: темна,
Пробивается сквозь мглу она,
Тихо подъезжает ближе, ближе…
Даже грустный колокольчик слышен!

Вдруг разверзлась громко тишина.
Самолет. Гуденье - как тревога.
И не той становится луна,
И не той становится дорога…

Последний день Помпеи…
Что он мне?
Но вот смотрю на полотно Брюллова,
На это небо жуткое в огне,
На эту бурю бедствия людского,
На эту гибель красоты –
И мне
Слышнее стук встревоженного сердца.
Я думаю:
Куда в таком окне,
В таком огневороте
Людям деться?!
И, может, странно:
Видя этот ад,
Иное вдруг себе я представляю –

Пылающий военный Сталинград.
Помпея ли была страшней?
Не знаю…
А перед взором мысленным бурлит
Уже другой пожар неугасимый:
Испепеляет в нём, корчится, кричит
Японская Помпея – Хиросима.
И я кричу не слышно,
Как во сне:
«Ещё ль такие будут эпопеи?!»
…Передо мной -
Картина на стене,
Передо мной –
«Последний день Помпеи».

А.И.ПЛОТНИКОВУ

Помню, мрачным дед пришёл с покоса;
Видно было – на пределе сил.
Бабушка скорей к нему с вопросом:
«Всю, поди, кулигу ту скосил?»

«Всю, - ответил, глаз не подымая.-
Да пичугу на гнезде сгубил.
Тоже ведь была душа живая…»
Землю дед со-своему любил.

Как-то я сказал ему: «Люблю, мол,
Двор наш и берёзку у окна…»
Усмехнулся он, храня угрюмость:
«А берёза…Краля, что ль, она?»

И неловко стало мне. Я вспомнил:
Он давно берёзку посадил;
Обронил тогда: «Пустила б корни…»
Исподволь потом за ней следил.

Незадолго до своей кончины,
Хворый, лёжа на печи, спросил:
«Нет ли где у нас какой рябины?
Ягодку одну бы раскусил…»

ВЛ. ПЫРКОВУ

Черемшан, Сура, Свияга –
Три негромкие реки.
Теплоходики и чайки,
Катерки и кулики…
Рыба есть. И не плохая.
Даже стерлядь, что была
При царе Иване Грозном
Среди яств его стола.
Эти реки - милый край мой.
Лишь прикрыл глаза - и вот
На лугах своих Свияга,
Вся в цветах, венки плетёт.

Черемшан - тот больше лесом,
Будто крадучись, течёт,
У черёмухи цветущей
Кружева для волн берёт.

А лесные, а грибные
Глухомани по Суре!
И в росе, в налёте сизом
Ежевика на заре…

А ещё я вспоминаю
Мелекесские пруды,
Сенгилеевские воды
И – не райские ль? – сады.

В тех садах под осень солнце
Пахнет яблоком таким,
Что зовётся в русской сказке
Наливным и золотым.

…Край Ульяновский, родимый,
Пусть в разлуке мы с тобой, -
Я спокоен, не печалюсь:
До тебя - подать рукой.

БЫЛИННОЕ

(Н. Благову)
Сорят листвой осенние осины
(Земле и солнцу - золотая дань).
Дремучесть трав болотистой лощины,
Степная ширь и кольцевая даль.
И - ни души, ни тропки. Бездорожье.
Стою один и всматриваюсь в день.
По полю, что светилось летом рожью,
От облака прошла косая тень.
И где-то дальше, там, за темью пашен,
Всклубился дым соломенных костров.
Услышал я в былинном прошлом нашем
Призывный, частый бой колоколов.
И вот виденье: маленькие кони
Числом несметным мчатся по степи,
Несутся в диком гиканье и звоне,
Как будто где-то сорвались с цепи!
Идёт орда, скуластой, меднолицей.
Идёт орда - пожарами чадит.
И россиянка белокрылой птицей
Из рук поганых рвётся и кричит.
Полон! Раздольной волюшки лишаться!..
Да лучше сердце разорвать своё –
Самой наткнуться грудью на копье,
А с милой Русью так и не расстаться!
И русый всадник… Он с оравой бьется.

Аркан - змея свистит над головой…
Постой, осиротелый конь гнедой:
Ещё не покорён хозяин твой,
Ещё сверкает меч его на солнце!

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

(Вяч. Васильеву)
Телёнком красным подошёл к воротам,
В лиловые тесины ткнулся лбом,
И шевелиться больше неохота,
Стоит - как будто думает о чём.
Но тронул зелень темную дубравы
Малиновостью, охрой золотой...
Туманится заречным лугом, травы
Пересыпает крупную росой.
В распахнутом окошке самоваром
Над подсинённой скатертью блестит
И с дедом Павлом - пасечником старым –
За чаем, разрумяненный, сидит...

Н. РАЧКОВУ

По дачам,
Подстёгнутый ветром,
Ударил,
Стремглав налетя,
В зелёном свечении лета
Зелёный крыжовник дождя.

Вихрятся, качаются ветки;
В них плещется ливневый свет.
На синей слюде табуретки
Размыт васильковый букет.
Вдруг дождь оборвался.
И с крыши
Течёт золотое стекло.
И алые бусины вишни,
Как лампочки,
Солнце зажгло.

ВРУБЕЛЮ

«Демон сидящий» и «Демон поверженный».
Раздумья надежд и крушенье надежд.
Пусть ныне он признан,
Доселе отверженный
Сиятельным кругом
Мещан и невежд.
Но свежие годы
Отправлены скверной.
Но страстные чувства –
Во мгле,
Как «сирень».
И словно последний –
Сегодняшний день.
И слёзы –
В печальном огляде «Царевны».
Напрасны заботы

Любезной Забелы.
И славы не надо...
Сгущается тьма.
Кошмарные тени
На солнечно-белом
Так живы, ползучи,
Что сводят с ума.
Ещё будет проблеск.
Один. Как мгновенье.
Сквозь мрак просочится
Лазоревый цвет,
И явится миру
Прощальный портрет –
Как призрак
И смелой палитры
Смятенье...

ВИКТОРУ МОСИЕНКО

Уже с дубов слетает лист,
Щемяще душу мне тревожит;
Волнистый небосвод провис,
Вот-вот - и первая пороша.

Я помню, как, хваля ее,
Мой дядя праздновал охоту;
Брал в лес фамильное ружье
И приносил из дичи что-то.

Храня под спудом торжество,
Степенно в дом входил, обычно.
Встречала тётушка его,
К нему бросалось – не к добыче.

Моложе ставши и милей,
Его сердечно обнимала,
А он смущался перед ней:
«Ну что ты... Век, что ль, не видала...»

Особенной тогда была
У них горячая картошка
Среди отрадного стола
У замутненного окошка.

Я слушал дядю - и в лесу
Бродил по снежному безмолвью;
То белку видел, то лису,
То тетерева с красной бровью...

И думал: также буду жить -
В селе, вольготно и спокойно.
Пришлось, однако, колесить,
И жизнь вот катится нестройно...

Уже с дубов слетает лист,
Щемяще душу мне тревожит;
Волнистый небосвод провис...
Не нынче - завтра ждать пороши.

Н.БЛАГОВУ

Храню в душе... В пургу ночную
Ты мне в окошко постучал.
Что ты - я это враз почуял!
Взметнулся над столом - писал.
В чем был, теплым избы прогретый,
Рванулся в сени, на крыльцо;
Раскинул руки: «Коля! Где ты?» -
И разглядел твое лицо.
И бросился к тебе. В охапку
Меня ты по-медвежьи сгреб
И приподнял, роняя шапку
Под вихрем схваченный сугроб.
Как радостны тогда мы были.
И как та ночь было давно.
Как чисто, преданно дружили…
Ты нынче вспомни то окно.

П.АВДЕЕВУ

Как пели мы - родня, соседи-
За щедрым праздничным столом.
Казалось: скидывая ветви,
Лес колыхался за двором.
И поле виделась (мы знали –
Оно у леса на виду).
Берёзки рядом подступали
Аллейкой к старому пруду...

Родным сердца переполнились,
Любовью ко всякому из нас,
И светлых слёз мы не стеснялись,
А то пускались в перепляс...
Ах, время... годы... наша доля…
Там полно быть, лесам стоять...
Но не бывать уж тем застольям,
Как ливням в стужи не бывать.

САВРАСОВУ

Умирал в нищете и безвестности,
В скудном свете холодного дня,
Одиночества, мрачности, бедности –
Ничего, никого не кляня.

Только виделась:
Поле в проталинах,
Словно в тёмных заплатах шубняк;
Небо сизое в синих прогалинах…
И грачи... и сырой березняк...

Только думалось:
Всё ль оно ладное –
На полотнах его торжество?
Свет - Россия, заря незакатная,
Как помянет певца своего?..

ВАЛЬСАМ ШТРАУСА

Далёкий мир. Чужой. А всё же манит.
И всякий раз при этих вальсах мне
Так хорошо от светлой грусти станет –
Как в роще в листопад и при луне.
И молодость нахлынет хмелем бала,
И мы с тобою встретимся опять
Под вальс любви немного запоздалой,
Которую придётся забывать…
Вдруг розы брызнут росами! Откуда?..
Кусты лиловы, красных, белых роз!
И солнцем переполненное утро…
А мне – грустней… чего-то жаль до слёз.
Но хорошо до замиранья сердца.
Так что же это, что в конце концов?!
Сквозь музыку стараюсь я всмотреться
В проглянувшее гения лицо…

ДУБРАВА

(Анатолию Жукову)
Не расстаться в дубраве с полями…
То гроза расшибала дубы,
То ходила пила над корнями,
Для крестьянской старались избы…

Но и птицы в дубраве гнездились,
Воспевали простор полевой;
Лисы прятались, зайцы водились…
Волки были замгленной зимой.

Ветры, ливни, снега бушевали.
И затишье под солнцем цвело.
И раздольно гармони играли,
Если праздник справляло село.

И любовь молодая таилась.
И печаль в тёмном платье была;
Горечь сердца на волю просилась,
Ручьевою слезою текла…

Нынче вот постарела дубрава.
Поредела… Тиха и пуста.
Потускнели полёглые травы,
Помутнела, привяла листва.

Но я жёлуди всё же приметил –
Крутобоки, светлы и крепки.
И за юбку маманину дети
Ухватились – привстали дубки!

Не покинет поля их отрада.
Это просто к ней осень идёт.
А земля-то под нею – что надо!
И в округе – хороший народ.

БАКЕНУ

Он плыл, он плыл!..
Не знаю, как
Он с места своего сорвался.
Веселый, красный, словно флаг,
Он трепетал и колыхался.
Он плыл!
Отчаянный такой!
Как озорник и непоседа…
Стояли люди над рекой,
Глядели весело на это.
И кто-то говорил:
- Дает!..
Сбежал!
- Пуская…
Наскучило, видать,
На месте на одном торчать…
И плыл он, да – наискосок,
И скоро к берегу прижался.
К нему спустился старичок,
Поднял его за гребешок:
- Пымался.
Будя,
Прогулялся…

Понес по берегу назад.
Грустил ему вослед мой взгляд:
Печальным бакен мне казался.
Хотелось старика догнать
И улыбнуться, и сказать:
«Ты всяким строгостям в обход
Пусти его. Пускай плывет!

1973 г., Мелекесс

«И плечами зябко

поведёт женщина,

которую я встречу»

«Никогда тебя я не любила.
Но жила по чести. Столько лет!..»
Так сказала. Прямо. Как убила.
Но лишь бровью он повел в ответ.

Положил на стол спокойно ложку
(Принимался за обед скупой).
Видно, сделал в жизни он оплошку:
Не сошёлся вовремя с другой.

Что ж!..
Он встал... Сменил белье. Побрился.
Старый чемоданишко собрал.
Выходя, курящий, обдымился.
Слова ей плохого не сказал.

И когда уж дверь за ним закрылась.
И не стала навсегда его,
За голову жёнушка схватилась,
В плаче задохнулась. Отчего?..

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Гуляет красавец
В разладе с женой;
Пируэт, веселый,
В светёлке чужой.

Другую приблизил,
Другой говорит:
«Пускай ее сердце
Сильней поболит...»

И та на колени
Садится к нему:
«Опять васелёчков
Твоих дождалась.»

Свет в окнах забытых
Открыто горит,
Дождинками вечер
Осенний сорит.

В бледном платочке
Напротив окна
Стоит под березкой
Красавца жена.

Сжимается сердце
И зябко рукам,
Лишь теплые слезы
Текут по щекам...

Милуются с Мальвой
Тот шар золотой,
А близко сникает
Цветок полевой.

Не зря ли, землячка,
Страдаешь, любя:
Не стоит кудрявый
Красавец тебя.

Брали в армию Андрея –
Ксения плакала навзрыд,
Ксения плакала, немея,
Словно мёртвый он, убит.

Ну а он, румяный, бравый,
Всё плясал среди гостей.
Жаль, что чуб его кудрявый,
Не вился поверх бровей.

Вспоминала Ксения зори
Над вечернею рекой,
Прикрывая грусть его взора
Загорелою рукой…

За ворота выходили,
Под рябиновый кумач –
Говорил: «Весёлка… ты ли?..
Не война… Вернусь. Не плачь…»

Брали в армию Андрея –
Веселилось пол села;
Только, глаз поднять не смея,
Ксения шла, и рядом с нею
Осень добрая брела…

КРАСИВАЯ

Лишь пришла –
Подруги окружили,
Гармонисту стало веселей;
Парни присмирели, закурили,
Закурили - головы склонили,
Только взгляд
Блеснет из-под бровей.

А она стоит
Всё понимая.
Здешняя,
А будто бы чужая.
И не знает
Что же делать ей…

КОСТЁР

Чей там костер?..
Не той ли женщины ,
Ещё годами молодой,
Но с одиночеством повенчанной,

Знобящим сердцем пожилой?..
Так вышло…
Жизнь её изранила
Родня ничем не помогла.
Молва людская так ославила –
На нелюдимость обрекла!
И только вечер –
Лодка тихая
Через реку плывет туда,
Где тишина стоит лосихою
И дикой кажется вода;
Где над кустами жидковатыми
Да над песчаной полосой
Лес облаками жутковатый
Молчит, наполнясь темнотой.
И там-то вскоре разгорается
Костер закатным огоньком,
И женщина пред ним склоняется,
Одна чернеет угольком …
Вот и теперь я вижу с пристани
На берегу на том костёр,
Как-будто чей-то вижу издали
Спокойный и печальный взор.
И кто-то там сидит, сутулится.
Похоже - женщина сидит.
(А вечер нынче что-то хмурится
И мелкий дождик моросит…)
Она ли?..

Может быть. Наверное,
В огонь задумчиво глядит,
Приуспокоив сердце нервное,
И молча с кем-то говорит…

Где-то ходит изредка в кино,
Вечер одиноко коротает,
Смотрит в сад, в осеннее окно
Блока и Есенина читает…
Любит облака и серый день,
Первый снег и пегие берёзы,
Утреннюю росную сирень –
Как туман и тихой грусти слёзы…
И глядит на дверь: кого-то ждёт,
Кинуться готовая навстречу;
Но очнётся - косы расплетёт
И плечами зябко поведёт
Женщина,
Которую я встречу.

- Угости смородиной, садовница.
Подойди, калитку приоткрой.
Может быть, надолго мне запомнится
Эта встреча краткая с тобой.

- Жалко ли, прохожий!.. Угостила бы.
Брал бы сам смородину с куста.
И к малине тоже допустила бы,
Да калитка мужем заперта.

- Извините… Так сказал. Играю.
Скучно мне сегодня одному…
- Я сама давно уже скучаю.
Но и краткость встречи ни к чему.

От тебя уйду я завтра поутру.
Забудь меня. Прости. Не обижайся.
Пойду - не стой за мной березой на юру.
И не гляди во след. И не печалься.
Отраду новую себе ты приготовь.
И пусть она в глазах твоих искрится.
И, может, поздняя твоя ко мне любовь
Тебе тогда покажется зарницей.
А я пойду дорогой полевой.
Не твой. Ничей. Ни грустный, ни веселый…
Но встретит ли меня твоею добротой
Покуда неизвестные мне сёла?..

ВОСПОМИНАНИЕ

Первый снег и утро. В белизне
У двора черёмуха чернеет;
Вертится сорока на плетне
И герань в окошке буром рдеет...
Хорошо-то как!.. Вот мамин след.
К роднику прошла, знать, за водою.
Починает сена стог сосед,
Снова дышит луговой страдою.
Вышла за калитку дочь его.
Солнечный платочек у Валюши,
И уж я не вижу ничего:
И глаза, и сердце мне он сушит...

Слушал музыку. Что-то испанское.
Вспыхнул пламень забытый в крови.
И привиделось мне шампанское
В двух бокалах. И - губы твои,

Чуть припухлые, очень близкие,
С тихой радостью. И - глаза,
Тёмно-карие да искристые
(Вишни спелые и роса).

Круглый столик. Скатерть бордовая.
Полутьма. Трепетанье свеч
И цыганскую шаль вишневую
Я с твоих убираю плеч.

А под шалью той - блузка белая,
Первозданная чистота!
И пред нею, хотя и смелая,
Отступает твоя красота.

И мы снова сидим, влюбленные...
Но позволь мне очнуться тут.
Предо мною - стёкла оконные,
А за ними снега метут...

Смолка музыка. Нет видения.
Отдаляется образ твой.
И опять от тоски спасения
Нету в этой глуши лесной...

«И чистым быт

душою, чтобы

вольготно кажды

день дышать»

Ушла от мужа вечером жена.
Ушла от мужа вечером жена.
Уехал сын от матери куда-то.
Шёл скорый поезд в глубину заката…
А рано утром грянула война.

Жена вбежала к мужу в огород.
Сын отбивал с дороги телеграмму:
«Спешу домой…» - и видел только маму.
Пикировал на поезд самолёт…

Рассвет…Расстрел…
Враги – понятья эти.
Как жизнь и смерть.
А ведь созвучны. И
Расстреливали часто на рассвете,
Когда весна, быть может,
Соловьи…

Не мракобесы ли!..
Мало было пули,
Чтоб человека попросту убить.
Сначала душу из него тянули:

Мол, посмотри,
Как расчудесно жить!
Они б уж только ночи выбирали.
Ведь сами были всем нутром черны!
Такие даже и в детей стреляли,
И в стариков…
Дорвавшись до войны!

ВОЛЯ

Он видел их и там, в неволе, -
Простые рощи и луга,
Такой же лес, такое ж поле…
Но было горьким то приволье –

Там было всё издалека.
И так звало к себе, томило…
Как будто открывался рай;
И сердце так порой щемило –

Хоть грудь худую разрывай!..
И вот опять обрёл он волю
(Прошло немало тяжких лет).
Бежит с пригорка к вётлам, полю…

И слёзы высекают след
Из глаз кремнёвых, воля, воля!..
И в клеверок упал ничком.
И проклял всё, чем жил дотоле,

Пристукнул смуглым кулаком.
Как сердце оземь колотилось!
«Прости, родная сторона.
Ты ничего мне не должна.

Прими опять меня на милость.»
Привстал. Поднялся. Глянул в небо.
Синь поглощала облака.
Быль уходила тихо в небыль

И с нею – чёрная тоска.
И клялся он себе: до гроба
Свободы больше не терять;
И чистым быть душою, чтобы
Вольготно каждый день дышать.

К равнодушному

Чужой беды не замечать,
Чужого горя не ослабить…
Да как так можно – вечно спать,
Покой всего превыше ставить?!
Не слышать сердца своего,
Жиреющего от мещанства…
Стоять в сторонке от всего –
Да это ж хуже хулиганства!

Ты равнодушный – ты глухой.
Ты слеп. Тебе все безразлично:
Что гром литавр,
Что писк скрипичный,
Что красный цвет,
Что цвет иной!
1973г. , Совхоз

Я сердцем возмущаюсь и словами,
Когда пред подлостью лицом к лицу стою,
А надо возмущаться кулаками,
Не глядя на порядочность свою!
Вот этот свежевыбритый, душистый,
Розовощекий, холеный службой…
Какой он благородный с виду, чистый,
Но я-то знаю – желчный карьерист!
Старушка на него глядит сквозь слезы
И просит, робко теребя платок:
- Я столько жду… я столько на морозе…
А ты уж допусти меня, сынок…
«Сынок»!... Он – истукан из мерзлой глины!
Он повернулся к матери спиной
И сделал шаг – ленивенький, гусиный,
И бросил зло: - Не стойте над душой!

«Душа»!.. За грудь бы взять его покрепче:
- А-ну, показывай свою душонку, сэр!
И я встаю. Я расправляю плечи.
Иду. Но натыкаюсь на барьер!..
1973г., Совхоз.

Зима, зима… И степь вокруг,
Пустая, злая, ветровая…
Забывчивый, ты слышишь, друг?
Я замерзаю, замерзаю.
А ты не в дальнем далеке
Жизнь, словно тройку, погоняешь.
Сидишь, удал, на облучке,
На всю Россию напеваешь.
И что тебе, что в стороне
От нашей столбовой дороги
Замёрзну я… Ты обо мне
Вспомнишь как прочих многих.
Да, скажешь, знал его, любил…
Потом забыл, теперь не знаю,
Он, скажешь, сам себя сгубил,
Судьба его была такая…
И всё. Ну что ж. Прощай, прощай,
Коль нам пришла пора прощаться.
Гони лихую, погоняй!

Мне за тобою не угнаться.
Товарищ, может быть, иной
Меня заметит и поднимет.
И привезёт меня домой,
Где только мать меня обнимет.
И я очнусь от тёплых слёз
И от седой её печали;
Скажу: «Я, мама, не замёрз…
Давай споём, как мы певали.»
И мы споём про ямщика.
Что умирал в степи широкой.
Услышь тогда издалека
Мой грустный, тяжкий вздох глубокий.
И это вспоминаю про тебя,
Тебя по-прежнему любя.

Отдать рубашку другу,
Табак с ним, хлеб разделить…
Сквозь знойный песок и вьюгу
На помощь к нему спешить…

И если он кровью исходит, -
Отдать ему кровь свою…
Прикрыть его в трудной работе,
Как в жарком прикрыть бою…

И я готов на всё это.
Да сам вот - в силках беды.
Ты знаешь, мой друг…
Но где ты?
В какие забрёл кусты?..

«И снова сердца грусть коснулась,

Слетевшим под ноги листом»

СКАЗКА

Пир на вырубке лесной.
Как за крепкими столами,
Звери, птицы тут за пнями
Предосеннею порой.
Солнечно, тепло. И с неба
Тихо льётся бирюза…
На столах тех вместо хлеба –
Чёлки проса и овса
И колосья ржи, пшеницы;
К ним – рябина, дикий мёд.
Яблочный налив кислицы,
Жёлуди, грибы… Цветёт
Всё застолье краской разной:
Золотистой, серой, красной…
Чуть пониже – голубой,
Бледно-жёлтой и зелёной
(Сенокосом обойдённой,
Застоявшейся травой).
А пирующих наряды:
Глухарей, сорок, лисиц!..
Вон медведь с косулей рядом,
Вот барсук среди куниц.
Дятел с иволгой – жар-птицей.
Ворон весело глядит.
«Полно, братец мой, коситься», -
Зайцу белка говорит.

Сожалеющий совиный
Понимает сокол всхлип.
Стайке серенькой мышиной
Ёж подносит белый гриб…
Все охотно, оживлённо
Лижут снедь, жуют, клюют…
Из коры, щепы долблённой
Соки ягодные пьют;
Не хмелеют, но поют.
И довольны тем, что сами
Яства к пиру припасли;
Всё недавними деньками
И добыли и смогли.
А с чего был пир затеян?
Скоро лету уходить.
Вот уже лес поник, желтея…
Надо лето проводить.

Карусельные кони над опавшей листвой.
Лето – всё. И застыли они, приуныли.
А какими весёлыми, резвыми были
Под кружившей на них с ветерком детворой.

И какой-то вихрастый мальчишка один
На багряном коньке, глядя в доски помоста,
Только слышавший, может, про хмурость кручин,
Не впервые ль взгрустнул иль задумался просто?
Не о краткости ль детства раздумье его,
Как о солнечных красках привольного лета?..
Рядом вон у мальчишек других, - баловство,
А у этого – что-то уже от поэта…

ВЯЗ

Силён был храм в лета былые.
Опустошён давно, разбит.
И, ветви заломив сухие,
Вяз вековой при нём скорбит.
Он густо зеленел когда-то,
Осенним багрецом горел,
Пока, быть может, в час заката
Уже навек не облетел.
Теперь, до трещин иссушённый,
С опавшей тут и там корой,
Стоит он, будто костяной,
В тень прежней мощи превращённый…

Осень в дачных садах приугасла.
Но ещё хорошо в них дышать,
У рябины безлистой, сплошь красной
Кисти медленно перебирать;
Видеть охру, багрец редких листьев,
Как застрявших в сплетенье ветвей,
И берёзку одну в шубке лисьей…
Простоять бы так зимушку ей.
Всё жалею я что-то, кого-то.
Сам живу как придётся. Ничто!..
Есть отрады, раздумья, заботы,
Хлеб насущный, простое пальто…

Убираем сено. Жарко. Потно.
Жгущая прилипчивость слепней…
Хоть бы это кончилось быстрей!
Добрести бы до воды холодной…

Злюсь, изнемогая: «Бросить, бросить!..»
Но опять же ворошу, ношу!..
«Тяжело!» - скажу о сенокосе.
«Хорошо!» - наверно, напишу.

Напишу, конечно же, не завтра.
Вот из тела выветрится зной…
Расхвалю тогда и этот запах,
И навильник сена над собой…

До женьшеня – где нам! –
Не добраться.
Ладно, зверобой – не потайной.
Запросто нам он привык даваться,
Хоть неси охапками домой.
И несём. В руках, грибных корзинах…
Сами пахнем травами, листвой…
И в дождях осенних, знобких зимах
Пьём доступный всем,
Как солнце,
Зной…

Вороньим оком глянула трава,
И кровью брызнуло вдруг волчье лыко,
И дряхлый пень, что лешья голова,
Явился рядом…Сумрачно и дико
Опять мне в душу лезет лес глухой.
Ни солнечного пятнышка, ни звука,

Ни тропки, ни полянки никакой…
Дыханье спёрто… Чу! Морзянка стука
По сухостою… Дятел надо мной!
И снова – просто лес, его покой…

В накрапах блёклости осенник
По краю вырубки лесной;
Обобранный на нет малинник,
Обломанный, полусухой…

И снова сердца грусть коснулась
Слетевшим под ноги листом.
Но вдруг с отрадою столкнулась
Перед калиновым кустом.

Свежо на солнце он сияет,
Весь в красной будто бы росе;
В траве гривастой утопает,
Как в дозревающем овсе.

И видится уже мне осень.
В начале. Благостная, та,
Что в роще, в поле, на покосе
Ещё в погожий день светла.

А всё ж и тот малинник павший
Сидит во мне. И неспроста:
Не так-то скоро в жизни нашей
Бежит от света темнота…

БУЗИНА

Привольготно где растёт она?
При давнишних дедовских амбарах,
У погребий и сараев старых…
Там, где словно дремлет тишина.
У замшелых всяких стен, оград,
На погосте в душный летний чад
Ловит мой она тревожный взгляд.
Почему тревожит – я не знаю,
Вот стою и думаю-гадаю.
Ей милей всего глухая старина.
Не из древности ль монашенка она,
Что красна, как девка, лишь мрачна?
…Непроглядная, дремучая листва:
Сгустки крови в ней
Клюёт, поди, сова…

Тропа шла берегом реки;
Свернув, пересекла покосы
И в спелом поле васильки
Вплела себе в ржаные косы.
К ней рыжий зной припал. Она,
В платьишке серењком, босая.
Пошла в обнимку с ним, играя,
Во всём ещё проста, вольна...
Её околица звала
В ромашки, под рябины, ели...
Она к селу родному шла,
И бабочки за ней летели...

НАТЮРМОРТ

Белизной сияет стол –
Скатерть светится льняная;
А над ней букет взошёл;
Вся в нём прелесть луговая:
Клевер, лютик, огонек,
Синь горошка в белой кашке...
В хрустале на дне залёг
Зайчик солнечный – медок
Возле тонкой чайной чашки.
Я ещё прибавлю к ним
На тарелке в бликах ясных

Пару яблок тёмно-красных
С абрикосом золотым.
Ломоть арбуза розово искрит,
Янтарной Гроздью виноград сквозит;
В стакане - родниковая прохлада,
В распахнутом окне –
Привялость сада...

Столешница скоблёная светла,
Как бы мукой присыпана - бела.
Разбросаны по ней мои грибы.
Таили их березы и дубы.
Подгруздки, чёрный груздь, боровики...
Пристали к ним опавшие листки.

Связки лука. На ларе под ними
Крынки красно-рыжие стоят
И - плетёнка с травами сухими.
В решете калина окропила хмель,
И завис над ним залётный шмель.

На татарниках папахи не горят,
Канарейки - колокольчики звенят,
Те подсохшие папахи потрошат.

Опадает шелковистый белый пух...
Жёлтый жар дневной притих слегка, притух
И слышнее стал полыни мятный дух.

Канареечка, гляжу я, весело,
А уж лето луговое отцвело,
Всякой травушкой высокой полегло.
Скоро, скоро и ромашкам не белеть,
Буйной зеленью деревьям не шуметь,
Небу ясному просторно не синеть...

Зачастят с ветрами серые дожди...
Лето, грустно мне… Постой, не уходи.

ПРОСЬБА

Не обирай орешник дочиста,
Оставь орешек...
Ну хоть самый мелкий;
Представь.
Какою радостью для белки
Сверкнёт он
В разорённости куста.

Колокольчики, клевер
Васильки Мотыльки…
Край - не юг или север
Он - вдоль Волги реки.

Он березами светел,
Облаками высок…
Осень - листья да ветер,
Да мельканье сорок.

А зима - словно тройки
Белоснежных коней
Мчаться с посвистом тонким
По просторам полей!
Май - Зеленые свечки
Нас сосёнках ни счесть,
Подсинённые речки
И грозы первой жесть…
Лето – эхо лесное;
Травы млеют в лугах
Рожь полощется в зное,
Бродит солнце в цветах…
Край мой! Дух листопада,
Снега, сена, грибов…
И такая отрада –
Отчий седенький кров.

На березах, осинах,
В мокрых гнездах грачиных
На ветру раскачалась весна!
Обливается солнечной,
Как снежницею, свежестью.
Вся нагая пока что она
Но мне чудится, видится,
Как земля темноликая
Золотыми иголками
Платья тонкие шьёт
Ей на радость великую,
Для красы её девичьей –
Чтобы весь любовался народ.

ПОДСНЕЖНИКИ

Их принесла девчонка,
Вся в веснушках.
Переступила радостно порог,
И с лавки потянулась к ним старушка
«Дай подышать и мне леском чуток».
И трогала их,
Словно целовала,
Дыша и впрямь
Промозглостью лесов.
Потом вдруг часто-часто замигала

И отвернулась тихо
От цветов.
Что вспомнила?
А может - просто старость
И то, что жизнь
Приблизилась к концу?..
Смотря в окно,
Девчонка улыбалась.
«А мне их Васька Вешкин дал», -
Призналась.
И все веснушки
Были ей к лицу.

Калинник да черёмушник,
Ольховник и дубняк,
По пояс травы душные…
Сорочий буерак

Сороки здесь – хозяюшки.
Снуют вокруг, трещат…
Чего-то ты пугаешься,
Зовёшь меня назад:

«Там лес как лес был. Ягодный,
Грибной… А тут что брать?..»
А мне здесь в чём-то сказочном
Охота поплутать…

СЕРЫЙ ДЕНЬ

Речка сизая; берега
В глине бледной, в песках белесых…
И привяленые стога,
И привялая зелень леса…

Шерсть проволглая облаков;
Мешковина старой дороги,
Рядом хлопья белых цветов
Двум осинкам упали в ноги…

Окошко – настежь нежная
Черемуха цветет.
Зеленая и снежная,
Духами отдает.

В ней - холодок и солнышко,
Пчелиный хоровод
(Знать у цветов на донышках
В желтинках спрятан мед).

Гляжу, дышу… просторнее
Становится в избе.
И сердце все задорнее

К тебе зовет, к тебе
Черемуху не трону я,
Букет не припасу.
Приду к тебе, затворная,
И… солнце принесу!

Я иду по тропинке.
Лето. Утро. Роса.
И цветы полевые
Раскрывают глаза.

Разгорается солнце…
Нараспашку иду.
Вся родная сторонка
У меня на виду.

Справа – бор величавый,
Слева - луг. Позади -
Избы, клёны, рябины…
Рожь и рожь – впереди.

Солнце красное, здравствуй!
Набирай высоту,
А я с песней раздольной
Под тобою пройду!

АВГУСТ

Прольется дождь к исходу дня.
Ночное небо в звездах густо.
Цветам не весело, не грустно.
В полях где пашня, где стерня…

Восход то бледен, то лучист.
Краснеют на рябинах кисти.
В лесу из-под зеленых листьев
Накрывает жёлтый лист.

Усталость в шелесте дубрав.
В истоме солнечной березы
Тихи, задумчивы покосы:
Где буйство сенокосных трав!..

Еще немного - и в реке
Вода студёной, колкой станет,
И осень у калитки встанет
Крестьянкой в праздничном платке.

Багряные листья летят
С багряной моей рябины…
Люблю погрустить в листопад
Без всякой на то причины.

Прощальные листья летят.
Жаль этих теперь напрасно…
Редеет, редеют мой сад
И день угасает красный.

Но нет у меня кручины,
А просто задумчивый взгляд…
С багряный моей рябины
Багряные листья летят.

СТАРАЯ БЕРЁЗА

Вот она стоит, простоволосая,
В стороне от парковых аллей.
Сгорбилась старушкой, безголосая…
Ничего особенного в ней.
Сухонькая, зимняя, озябшая,
Смотрится в озёрный мутный лед.
Ничего прохожим не сулящая.
Никого к себе не подзовет.

Ну а я по снегу залежалому
Подойду. И постою под ней:
Может, ей, как человеку старому,
Станет в те минуты потеплей.

ДОЖДЬ

Дождь –
Сквозь голые деревья,
Дождь –
На плотный снег и лед…
Удивилась вся деревня:
Дождь,
Нежданный дождь идет!

Был залётным он, минутным,
Но задорным, проливным.
И казалось в те минуты
Всё вокруг совсем иным:
Липа черная – зеленой,
Снег - цветами и травой.
Речка – солнцем окроплённой
И зелёно-голубой…

Даже тонко пахло летом.
Ранним,
Политым грозой!..

ВОЛГА

В который раз над нею пролетая
В зеленом поезде по гулкому мосту,
К вагонному окну я преподаю –
И преподаю к ней,
Забыв про высоту.
Да что мне высота такая –
Метры!..
На юге, севере…
За сотни вёрст - и то
Почувствую её дыханье в ветре
И распахну
Пиджак или пальто.
И сразу,
Даль прорвав,
Перед глазами
Пойдут ходить по ней, вскипая, беляки,
И словно поплывут под облаками
Её луга
Со свежими стогами,
Леса раздумчивые,
Тихие пески…
И хлынет в душу все это, родное,
И не забытое ,
Мне вспомнится оно,
Как самое заветное, святое,
Что матерью - волжанкой
Мне дано.

ЛУГА

Вот и стихло луговое лето,
Поздними цветами отцвело.
Затянуло будто бы брезентом,
Пасмурью луга заволокло;
Промочило серыми дождями,
Затяжными… Ёжится трава.
Но я знаю солнечными днями
На луга прольётся синева.
Тёплая и тихая, быть может
(Осенью из вёдро может быть).
Гуси - их погода растревожит –
Захотят по воздуху проплыть
Полетят за избы, огороды…
Не заманит заводью река.
Лук притянет. Сядут как на воду,
Гордо распахнутся:
“Га-га-га !..”

И всё. И отгорело лето.
Дни без тепла стоят и света.
Золой подёрнуты леса
И в мокром пепле небеса.
Посмотришь в пасмурные дали –
Отрады нет и нет печали.

Чего из них на завтра ждать?
Такой же посмури?.. Как знать.
Но вдруг запахнет первым снегом,
Молочным яблоком и сеном,
Повеет избенным теплом –
И станет на душе светлее…
Так наступай, зима, скорее!
Ты хороша в селе моем.

Стужей подтянуло…
Ель в мохнатой шубе,
Рыжий полушубок
На плечистом дубе.
У рябины щёки
Налиты румянцем;
Холодов ей тоже
Нечего бояться.
Радуется: дуб тот
Крепко полюбила,
Уже через дорогу
Близко поманила…
И берёза с клёном
Робости не кажут.
Подпоют метелям,
На морозе спляшут…

Первоснежье… Как родился снова –
Так светло на сердце, так дышу!
Вышел вот из-под родного крова –
И на все как первый раз гляжу:
На березу эту в белой шали,
На плетень, присыпанный снежком,
На синиц, что рядом замелькали,
Чёрным озорно кося глазком.
Я к рябине подойду румяной
И плечом к стволу её прильну;
Семечки достану из кармана,
На ладони птицам протяну.
И пусть небо нависает мглисто,
Ширь лесов свинцово тяжела, -
Думаю о солнечном, искристом,
Словно отродясь не ведал зла…

Пахнет порой с рассветом зимним
Извечным чем-то родным:
От окон – васильково-синим,
От печки – солнечно-ржаным…
По половицам от порога

Потянет молодым снежком
(Знать, в сени нанесло немного
Ночным разгульным вечерком).
Захочется живей подняться,
Двором вздохнуть и в хлев пройти;
За утро по-хозяйски взяться –
Там ворошить, а тут мести…
Скотине радоваться, сену,
Давно просушенным дровам…
А взглядом полюшко задену –
Обрадуюсь его снегам.
И знаю: в дом входя обратно,
На рощицу в лугах взгляну:
Как у нее там - все ли ладно?
И словно сердцем к ней прильну.

Снегу - полны огороды,
Избы по окна в снегу.
Зимнюю знаем погоду:
Тихую стужу, пургу…
Быстро холодное солнце
Катится за окоём…
Впрочем, когда как придётся, -
Часто без солнца живем.

Часто ненастье по-волчьи
Воет во тьме до утра.
Выглянем - день после ночи
Волком стоит у двора.
Тут бы тянуть нам зевоту
В тёплой избе до поры,
Только мы злую погоду,
Взявшись легко за работу,
Живо берём топоры!
Едем в поля за соломой,
Едем на пруд за водой...
Печка весёлая дома –
Детям, старухе седой…

ВОЛК

Откуда он в свинцовой этой шири,
В безволчьей нынче нашей стороне?
Неужто приметелил из Сибири
И воет вот при пасмурной луне!..
Он взвыл среди заснеженной равнины,
Где дыбом темный перелесок встал.
И этот стон души его звериной
Меня с постели ко двору позвал.
Уже, наверно, старый бедолага.
И – одинок; нет рядом никого.
Село – как западня… И он заплакал,
Присутствия не пряча своего.

Пойдут о нём с рассветом разговоры,
Особенно в махорочном дыму;
Охотничьи начнутся, может, сборы…
Мне жаль его. Сочувствую ему.

СЛУЧАЙ

Что вы, лесорубы, очумели?!
Пойманную ласку подожгли,
Оплеснув бензином!.. Неужели,
Лес круша,
Настолько очерствели,
Что другой забавы не нашли!

Смотрите,
Как, в первый снег ныряя,
Мечется туда-сюда зверек.
Сбил огонь!
И, видно, доживая,
Больно заползает под пенёк…

Что же это, мужички?.. Ведь было:
Выстрел вы услышали вдали.
«Браконьер! – сказали.
Дать бы в рыло!..»
Так зачем же ласку подожгли?!

РОЖЬ

Рожь родная, молодая,
Бродит в ней еще весна;
Рожь густая, проливная,
Зелена бежит волна.
Едем серенькой дорогой,
А навстречу облака.
Рожь… Назвать её глубокой?
Да, прозрачно глубока.
Тонет наша в ней машина,
Чуть, наверное, видать…
И зачем я сел в кабину,
Надо в кузове стоять!

На чьи-то губы
Бесподобный сок
Прольётся скоро
Из стволов берёзовых.
А мне бы ранний увидать цветок,
Какой-нибудь –
Желтый или розовый…
И чьи-то руки
Среди белых дней
Начнут ломать черемуху нещадно;
А мне бы только постоять под ней;

Всей грудью в волю подышать –
И ладно.
Пусть кто-то собирает звонкий дождь
В тазы и ведра –
Я пойду с улыбкою
Глядеть,
Как у лугов, полей и рощ
Искрится радостно
Их зелень зыбкая…

ПРОЩАНЬЕ

Снесли дома. Сады остались;
Но дни их тоже сочтены,
И вот они в конце весны,
С дождём обнявшись,
Разрыдались.

И заливается слезами,
Дрожит изрытая земля.
И плачут рядом тополя асфальт,
Асфальт постылый рвут корнями.

И ветер,
Хмурый и седой,
Сады на грудь себе склоняет
И кудри их перебирает
Большой, жалеющей рукой…

Алостью сквозь лист прожглась рябина.
Утренних лужаек холодок.
Держит тишину паутину
Русый придорожный стебелёк.

Бабье лето - в кофте золотистой
Из пшеничной солнечной стерни,
С васильковой вышивкой лучистой, -
Наполняет терпким цветом дни.

Тыкву, как литую, расписную,
В огороде на плечо берёт,
Спелую калину наливную
С хмелем спелым из лесу несёт.

Бабье лето - бабья зрелость, сила.
Щедрая и добрая рука
В синем небе тесто замесила
И крутые лепит облака.

ЧАЙ С ДУШИЦЕЙ

Пью кипяток - огонь водицу,
Сжигаю весь озноб дневной
И вспоминаю чай с душицей –
С лесной сиреневый травой.

Она сиреневой бывает,
Когда, выбирая зной, цветет.
К ней солнце мёдом прилипает
И в запахе таится мёд.

Она по вырубкам заросшим
Со зверобоем золотым,
И с кашкой разной, и с горошком
Сплетает свой лиловый дым.

В дыму там пчёлы тихо вязнут
И бабочки над ним парят…
Цветы душицы быстро гаснут
Да и не больно-то горят.

Трава – неброская. Букеты
Не украшают его. Но
В ней полыхает, пахнет лето,
Хотя пройдёт уже давно.

Заварить ею чай зимою –
Мороз ли, вьюга за стеной,
А ты как летнюю порою –
На жаркой вырубке лесной.

Чай - что янтарь прозрачно-чистый,
Что свежий липовый медок –
Такой же солнечный, душистый…
Но я пью нынче кипяток.

Гляжу, как ранний снег роится
Во тьме перед окном ночным,
А вижу зарослей душицы
Лилово-серебристый дым.
В дыму там пчёлы тихо вязнут
И бабочки над ним парят,
А рядом жёлтым, синим, красным
Мазки цветов других горят…

ВАСИЛЬКИ

В городе на клумбе васильки
За сердце меня внезапно взяли:
Бледные и хилые стояли;
Будто с огорченья и тоски,
Медленно тускнея, угасали.

Будто бы томились взаперти
Под ветвями тёмных лип и клёнов.
Было сиротливо им среди
Маргариток ярких и пионов.

Неба, поля не хватало им,
Диких трав простого придорожья,
Солнца разливного и с ним –
Кровного соседства с тихой рожью.
Долго перед ними я стоял,
С ними заодно взгрустнувший тоже.
- Что, браток, о чём затосковал? –
Тронул за плечо меня прохожий.

Он не знал - мне было хорошо:
Я в село родное возвращался;
Вечер мне в лицо дышал свежо,
Месяц над лугами подымался;

Впереди мигали огоньки,
Вдоль дороги плыл цветастый ситец…
Я очнулся: «Что же, васильки…
Я ещё приду к вам. Не грустите.»

Зноем истомленные малинники
Ягоду и жухлый лист и роняют.
Заросли овражные осинники
Волглую прохладу сохраняют.

Молоко из погреба, студеное,
Мне в тенистых грезится берёзах.
Стоговое сено пропечённое
Оседает в прибранных покосах.

Духом хвойно-смоляным, тягучим
Пышут при дороге сосны, ели…
Не видать ли грузной сизой тучи? –
Все глаза вороны проглядели.

Ветерок потянет с луговины,
С речки - и запахнет илом, стадом…
Ледяной родник в кустах калины –
Тут мне и целебных вод не надо.

Слова родные, русские, простые:
Страда, малинник, сени, сеновал…
Волшебные!
И явственно земные.
Что б делал я,
Когда бы их не знал?!

Но знаю я слова!.. Зима. Метель.
И поздний вечер в печке догорает.
Уютна и свежа моя постель;
Рука вновь томик Пушкина листает.

«Роняет лес багряный свой убор…»
Ах, лучшего не надо наслажденья!
По дорогим словам
Скользит мой взор
И не спешит к концу стихотворенья…

И так ещё бывает…
На рассвете
Ты из дома выходишь
Как хмельной!

Распахнутый,
С ликующей душой…
И радуешься,
Что живешь на свете.

А ты всю ночь не спал. Писал. Устал.
Зато под редкостное возбужденье
Слова для строчек ладных подбирал
И тут же ткал из них своё творенье.

И пусть ещё твои болят виски,
Но на столе твоём лежат листки

С простыми русскими словами
И новыми звучат стихами.

И это – главное!
И счастлив нынче ты.

Как тихо… Ни ветер не дунет,
Ни дождик не брызнет… Светло
В спокойный округе. Раздумье
На рощу, на поле нашло.
И солнце в стерне словно тает,
Мерцает межа васильком;
Берёзка бурьян поджигает
Слетающим жёлтым листком.
А рядом в ложбинку стекает
Ромашек сплошных молоко…
Устала земля. Отдыхает,
Как-будто вдохнув глубоко.

ДОРОЖЕНЬКА

(песня)
Одна - одинешенька
Во поле дороженька.
Ничего при ней – то не стоит.
Лишь стерня сырая,

Да полынь седая,
Да осенний дождик моросит.

Что ей вспоминается
И про что мечтается?..
Все по ней проехали, прошли...
Высью бабьим летом
За теплом и светом.
Гуси прилетели, журавли...

И, темна-темнёшенька,
Слёзы льёт дороженька.
Нестерпима, знать её печаль.
Тучи ходят низко,
Зимний холод близко
И не манит пасмурная даль…

Уже к теплу сводились все прогнозы,
И снег повеял ландышем лесным...
А март зимы резервные морозы
Повёл, клинком сверкая ледяным.
И падают восходы и закаты
Зловещей алостью на сизый наст.
Но дни летят, по вешнему крылаты,
На солнцепёках пригревают нас.

Вскипает богатырская в них сила,
Чтоб оборону зимнюю пресечь.
И солнце красным витязем скрестило
С клинком холодным свой горячий меч!
Мне это ярость сказочного боя,
Его уже увиденный исход-
Как древнее побоище Чудское
И торжественно его подлёдных вод.

В первой зелени лес и поля.
Разомлели от светлой теплыни.
Как волнующе пахнет земля!
Так ли пахнет она на чужбине?
Нет, конечно. Не зря говорим
«Русский лес» или «Русское поле»...
И, бывает, сквозь слёзы глядим
На родимое наше приволье:
Так возьмёт оно за душу нас
Красотою свою заветной;
Словно в первый увидели раз
Или видим в последний, предсмертный.
И не хочется нам умирать
(Как покинуть навеки такое!).
Но и жизнь мы готовы отдать,
От напастей спасая родное.

Обвяло лето. Остывает.
Лелеет поздние цветы.
Отзеленевший лист роняет.
Глядится в зеркало воды.
Чисто, спокойно отраженье.
Но дума на крутом челе,
В глазах усталых - сожаленье...
Стоять бы дольше на земле.
Как много совершить хотелось
С весны до осени. Но вот
Не всё сбылось, не всё успелось...
Уж птицы пробуют отлёт.
Стихает шумное подворье.
Вечерняя мутнеет синь.
И вдоль дороги, будто в горле,
И пахнет горчит полынь...

Заплаканный месяц вечерний,
Зелёное небо - как лед.
И бор отчеканился древний
На глади тускнеющих вод.
У берега чётко чернеет

Причаленный чей-то челнок,
А рядом дымится и тлеет
Забытый, видать, костерок.
И русая дремлет ветёлка.
Осенней печали полна...
Вся летняя музыка смолкла.
Прозрачность. Покой. Тишина.

ЭЛЕГИЯ

Вон первая звезда вечерняя зажигалась
Над затуманенной лесной опушкой,
Над речкой светлой, тёмною избушкой…
Вблизи сгущается в глухом овраге мгла.
Над ним стоят берёзы бледные рядком.
Осенние. Глядят в него уныло
И в тишине задумчиво застылой
Во мглу листок роняют за листком.
О чем теперь их думы? И какие сны?..
Уже близки зимы прикосновенья.
Но счастливы, но счастливы деревья:
Они зазеленеют снова от весны.
А у меня одна лишь молодость была,
Одно прошло как вешний день цветенье...
И зимнее моё оцепененье
Ни от какого не пройдет тепла.

ОСЕННИЙ ЖАРОК

Мне и холодно, и тяжко.
Снежной крупкой мгла сорит.
Глядь - садовая ромашка
Вот штакетником горит.
К ней, оранжевой, лучистой,
Так бы руки и простер.
Загляделся - и огнистой
Этой гривкой грею взор.
Много: пожарник у речки тлеет.
Ночь. Рыбалка. Соловей...
И становится теплее,
А на сердце - веселей.

В серой мгле пустое поле
И пустой, в дождинках сад.
Где ты, летнее приволье?
Воротилось бы назад.
Нынче снова так случилось –
Летом я не побродил;
Глядь – оно уж закатилось,
Лист осенний повелел…
И, стесняя грудь до боли,
Мне в глаза вот моросят
Из серой мглы пустое поле
И пустой, в дождинках, сад.

ПЕРВЫЙ СНЕГ УТРОМ

Белизна. И тишина. И запах –
Привкус ключевой лесной воды.
По-собачьи, как на задних лапах,
Замерли кудлатые кусты.
Вот скажу им: хватит, мол, устали –
Взлают, резвость проявлять начнут…
Ивушка в пушистой тонкой шали
Загляделась в темноводный пруд.
На лице румянец и улыбка,
Удивленье светлое в глазах:
Что там? Золотая, может, рыбка
Промелькнула в зыбких зеленях?..
И берёза в луговой сторонке
У стожка весёлого стоит,
Уподобясь пегой лошадёнке,
И, как та, понурив гриву, спит.
А в деревне санный путь открыли;
Стёжками становятся следы.
Будто бы лебяжье белокрылье –
Заросли полыни, лебеды…

РЯБИНА

Был бы я где-нибудь на чужбине,
Где ни снега, ни изб, ни берёз, -
Тосковал бы о них, о рябине…
Вот её разрумянил мороз

На опушке лесной, тёмно-серой,
Только понизу марлево-белой
(Лишь зазимок и изморозь)… Вот
Ранним утром рябина цветёт.
Тонкой вязки такие береты
На зелёные ветки воздеты!
А никто что-то их не берёт.
Не сирень, не черёмуха… Это
Не прельщает… Идёт себе лето,
И неброско рябина опять.
Убрала незаметно береты,
Стала гроздья свежо наливать
Бледной зеленью, тёплой желтинкой,
А с полевого сближаясь рябинкой…
Глядь – оранжево-красный жарок
Проступил сквозь листы холодок.
Следом – алость; и огненность листьев –
Разноцветье большого костра.
И придымлены чуточку кисти
Вот её золотая пора!
Вот когда к ней слетаются взоры,
Тут и там про неё разговоры
И багряные слитки в руках,
Терпкий привкус у всех на губах.
Не ахти, правда, сладость какая,
Но извечная всё же, родная.
«Это русский – де наш виноград», -
Ради шути о ней говорят.

Пусть. Только ни с чем не сравнима
Россияночка наша рябина.
Что-то есть в ней, скажу, от зари.
…Вот в прозрачном серебряном свете
Раздувая её свежий ветер:
Мол, поярче, поярче гори!..
И откуда-то,
Будто бы дети,
К ней родимой,
Летят снегири…

Услышал, что синица
Живёт всего пять лет.
Так жаль её! Хоть птица,
И ей извода нет.

И виденное мнится:
Студёным как-то днём
На снежный свей синица
Упала под окном.

И больше не взлетела.
Лежала там ничком,
Под ветерком пестрела
Комочком-лоскутком.

И больше не взлетела.
Лежала там ничком,
Под ветерком пестрела
Комочком-лоскутком.

На ветке (стала жалость
Моя ещё сильней)
Кормушка колыхалась,
И было пусто в ней…

ТЕЛЁНОК

Только на ноги встал. Удивленный.
Слабый, всё ещё в полусне.
Большеглазый, а несмышленый…
Погоди, окрепнешь к весне,
Подрастешь… И зелёным лугом
Рыжим вихрем помчишься вскачь,
И тот луг завертится кругом
И слетит с него щуплый грач…
А пока и стоишь ты неловко
В избяном своём закутке.
И притянут к стене верёвкой.
Рыльце бурое в молоке…

Зверька держали долго в клетке.
И долго грезились ему
Коренья всякие и ветки…
И расплывались как в дыму.

И пахло той, родимой, чащей,
Землёй, сопревшей под листвой,
Ну а всего больней и слаще –
Его ухоженной норой.

А клетка чуждо пахла краской
И грустно-сорванной травой…
Надоедали дети лаской
И непонятной воркотнёй…

И как-то человек заметил:
Глаза слезятся у зверька.
Конечно, мир лесной был светел,
А тут – невольничья тоска.

И снова – лес!.. Глядит мальчишка –
Пустился Дик не чуя ног,
Да много пробежать не смог –
Разорвалось его сердчишко!..

Мы полем шли, как по болоту,
Под окрики: «Быстрей! Быстрей!»
Потом нас бросили в работу
И снова – канут: «Живей! Живей!..»

Мы нагибались, разбивались,
Гасили, как пожар, аврал.
Нас мокрый холод прошивал,
Но мы работой согревались.

А после долгого вновь брели.
Насквозь промокли, так устали!
И - как быки гуртом прошли –
След за собою оставляли.

Про всё про светлое забыв,
Лишь помня про стальную стойкость,
Душой вставал я на дыбы,
Готовый растерзать жестокость!

ПОРЫВ

Так было...
Дождь. Перрон. Пивная.
Я вышел из пивной -
Стальная
Глаза мне режет полоса.
И горечь грустная, хмельная,
Переполняет мне глаза.
И - грохот!
И - состав пролетный
бьет по мозгам:
К чему, к чему?
А рельсы,
Словно сабли, слету -
по взгляду хлещут моему!
Рывок!
Тесня меня к забору,
Сказал седой путеец:
«Ишь!..
Ступай отсель без разговору!..
Не слишком рано ли шалишь!!»
И я пошел...
Ему - ни слова.
А вот теперь - благодарю.
И если в сердце горечь снова, -
Под поезд больше не смотрю!

«…Тебе пожаловаться, Волга? Тебе Россия? Промолчу… »

Устаю. Как ломкая та птица,
Что над полем серым, на ветру
Вьётся, не жалеет приземлиться,
А набрать стремится высоту.
Ничего ни для кого не значу.
Так и сгину в жизненной глуши.
Вот припал к берёзе, вот заплачу…
Хорошо – нет рядом ни души.
Хорошо? А может, было б лучше,
Если б тронул кто-то за плечо –
Пронеслись бы дождевые тучи,
Просияло б солнце горячо…
Только не приторная жалость.
Просто умный, дружелюбный взгляд.
Доброта. С родни моей усталость.
И два слова: «Понимаю, брат…»

Брожу по лесу. Кисть рябины
Держу в задумчивых руках.
И листопадная кручина
Струится медленно в глазах.
О чём грущу, о чем жалею?..
Нежданно юность отцвела?
И жизнь в осеннюю аллею
Печальной женщиной вошла?..

Пусть будет так. Но я ведь молод,
Еще я молод, чёрт возьми!..
Пускай приходит зимний холод -
Он ляжет предо мной костьми.
Он только хрустнет под шагами,
Когда я по двору пройду,
Увижу в сад со снегирями
И снег нетронутый в саду…
И станет весело мне, знаю,
Опять всему я буду рад.
А нынче что ж?.. Переживаю
Ещё один свой листопад?..

Душа обрадовалась снова.
Как будто ни с чего… С зари,
С пороши, запаха лесного,
С кустов, где рдеют снегири;
С дымков над избами и окон,
В которых теплится герань…
И снова – мысли о высоком
И жизни солнечная грань!..

Ничего. Ничего. Перебьюсь.
Возместятся, надеюсь, потери.
Распахнутся и в лучшее двери…
Но останется всё-таки грусть.

Уж бывало такое со мной:
После долгого горького зелья
Пью с друзьями хмельное веселье –
Вдруг затянется взор пеленой,
Зарябит, как окно при дожде…
И глаза заслоню я рукою.
Спросят бережно: «Плохо тебе?» -
«Что вы!..» -
Боль свою прошлую скрою…

НА ПОЛУСТАНКЕ

Васильки и ромашки – привялый букет,
И корзинка с грибами,
И женщина старая;
Тень зелёная.
Свет, словно липовый цвет…
Прикорнуло тут заполдень лето усталое.
Только сам полустанок –
Недремлющий зной.
И бурьяном он пахнет,
И камнем, и шпалами…
То сверкучей, как рельсы, гнетёт тишиной,

То стучит, содрогаясь, грохочет составами.
И когда он в тиши –
Мой раздумчив покой.
А врывается поезд –
И я как взрываюсь:
Как когда-то,
Сорви-голова, молодой
Всей душой
За вагоном последним
Бросаюсь…

БОЛЬНИЧНАЯ ПАЛАТА

Пропади она пропадом!
Как тоскливо она.
И тесна целым городом.
И при солнце темна.

Если дождь, он мне кажется
Непременно грибным
и, конечно же, вяжется
С окруженьем лесным.

Вносит кто-то здоровый
Полевые цветы –
В грудь взрывается снова
Вал земной красоты.

И становится счастьем
Мир тропинок, дорог,
Вёдро будет иль ненастье,
Лишь бы ты был ходок...

Мальчишкой рядом был со Спартаком,
Мечом гордыню Красса рассекая;
Лицом к лицу с подкравшимся врагом
Отчаянно прикрывал Чапая.

А в юности я оводом встречал
Бестрепетно мгновение расстрела...
И в тридцать лет высоты брать желал,
Да всё до них не доходило дело.

Сегодня в зеркало задумчиво гляжусь...
Прошли мечты... Проходит год за годом...
В герои никакие не гожусь
И в Лете не высматриваю брода.

Живу как все, среди незнатных мест.
И весело бывает, и уныло...
Несу в толпе свой незавидный крест,
И доплетусь так до простой могилы.

Что слава!.. Сколько смертных без нее
Ушло, уходит и уйдет в грядущем.
Но держится Отечество моё
На их плечах
Державно, всемогуще!

Боюсь, что душа остывает:
Холодном становится взор.
Неужто в груди оседает
Высокий когда-то костер?..

Когда-то он видел многим;
Тянулись, бывало, к нему,
С любой подходили дороги,
Спокойной глядели во тьму…

Потом, я заметил, все реже
Стал путников он привлекать,
Хотя и горел как и прежде
(Я пламя не думал снижать).

Случалось нередко: иные
С ухмылкой к нему подойдут,
Сучочки подбросят гнилые,
А то и водицей плеснут...

Всё меньше друзей оставалось
Того, молодого, костра…
Неужто душа так старалась,
Что вот наступает усталость
От света и добра?!
Но я не бросаю костра.

Идут снега, липучие, крутые.
Стоят в тяжелых шубах дерева.
В снегу окошки, зябкие, слепые...
Шипят подтопке, дуются дрова.
Гляжу на них, привычно руки грею,
А самого всё будто бы знобит.
С утра на что-то вроде бы сердит...
Наверное, и прямь уже старею.
Не верится... Еще вчера как будто
Свежо цикорий у двора синел,
Росой сочилось радужное утро.
И шёл я к лесу. И душою пел.
И думалось: я вечно буду молод,
Что я покрепче и счастливей всех,
что это для других зима и холод,
А для меня – весёлый только снег.
Но вот они, снега совсем иные,
Мне говорят, что жизнь идет как жизнь,
Мол, пролетели тройки удалые,

Теперь спокойно в розвальне ложись.
Закутайся в тулупишьке - и трогай.
Куда?.. А лошадёнка знает путь…
Тебе ведь всё равно... Куда-нибудь...
Закрой глаза - скучно зимой дорога...
Да правда ли?!... Да полно…Не хочу!..
Не рано ли себе я ставлю свечку?..
Встряхнусь вот и к соседям постучусь:
Авось в них повеселее печка.

О, как запахло полынью
В этой тоске – конуре,
Как обливается синью
Утро на сером дворе.

К дому иду, приближаюсь.
По придорожью – полынь.
Сладко дышу, задыхаюсь:
Свежесть такая и синь.

Вздрогнул. Стою – чуть не плачу –
На подметенном полу.
Стены придвинуты мрачно,
Веник полынной в углу…
1973. Сентябрь. Мелекесс.

АВТОПОРТРЕТ

Туманец. Лес. Клочок поляны.
У ног – опавшая листва.
Устало (кто-то скажет – пьяно)
К земле склонилась голова.
И пала русая кручина
На лоб, на тонкие морщины.
И серый день застыл в глазах.
И грусть – усмешка на губах.
Притих. Прислушался… на плечи,
Чуть влажен, холоден и чист,
Слетает поздний верхний лист
И светится сквозь чащу вечер…
18.10.-73г. Мелекесс.

Прости кощунство мне… Умри!..
Еще я молод.
Еще мне женщина – жена и друг – нужна.
А я – один, что куст в осеннем поле,
Затем , что в целом свете ты – одна.
Умри… ко мне ты больше не вернешься,
Меня к себе уже не позовешь…
Терзаюсь я, страдаю… ты – смеешься.
Ты хорошо и весело живешь.

Умри ж!.. я выплачусь и, может, успокоюсь.
… Недавно вышел небольшой скандал:
Я встретился и сблизился с другою
Но именем твоим ее назвал!..
Умри, разлучница! Я при тебе не в силах
Свить своего надежного гнезда.
И как бы ярко солнце ни светило,
Мне свет его – как мутная вода.
Ты к светлому всему стоишь преградой.
На чью-то радость больно мне глядеть.
Умри!.. Да что я?! Нет, о нет не надо! Не надо!
Живи!.. Мне самому бы умереть.
4/11.1973г. Совхоз.

Слова родные, русские, простые
(Плетень, лужайка, сени, сеновал…),
Они – волшебные и, как трава, - земные…
Что б делал я, когда бы их не знал!
Без радостей бы жил, без вдохновений.
Мучений бы творца не испытал.
Стихов бы Пушкина не прочитал,
Не написал бы сам стихотворений.
Но знаю я слова!.. Зима. Метель.
И поздний вечер в печке догорает.
Уютна и чиста моя постель.

Рука страницы медленно листает…
«Роняет лес багряный свой убор…»
Ах, лучшего не надо наслажденья!
По строчкам, по словам скользит мой взор.
И жаль дочитывать стихотворенье.
И так еще бывает: на рассвете
Ты ко двору выходишь, как хмельной,
Распахнутый, с ликующей душой,
И радуешься, что живешь на свете.
А ты всю ночь не спал.
Писал. Устал.
Курил до тошноты, до одуренья.
Клубки и нити слов перебирал
И словно ткал из них свое творенье…
Слова мои! Откроюсь перед вами…
Хочу вас добрым людям подарить,
Хочу живыми сделать вас цветами…
И потому так хочется мне жить!
1973г. декабрь Совхоз.

Невольник я…
И часто вспоминаю
Собачий взгляд,
Когда собаку пнут.

И мне теперь понятней жесткий кнут,
Когда им
Лошадь старую стегают.
Понятней мне
Тоска красивой птицы,
Что вянет в клетке
Сорванным цветком…
Но – человек я!
И не стану псом,
Который жалко
На пинок косится.
Не стану лошадью,
И кнут порву любой!
За небо ясное пойду на смертный бой,
И потому не стану чахнуть птицей
В суровой клетке,
Даже пусть стальной!..
23-24 января 1977г. Совхоз

Зима, зима… И степь вокруг,
Пустая, злая, ветровая…
Забывчивый; ты слышишь друг? –

Я замерзаю, замерзаю.
А ты не в дальнем далеке
Жизнь, словно тройку, погоняешь,
Сидишь, удал, на облучке,
На всю Россию распеваешь.
И что тебе, что в стороне
От нашей столбовой дороги
Замерзну я… Ты обо мне
Вспомянешь, как о прочих многих.
Да, скажешь, знал его, любил,
Потом – забыл, теперь – не знаю.
Он, скажешь, сам себя сгубил,
Судьба его была такая…
И – все. Ну, что ж… прощай… прощай,
Коль нам пришла пора.
Прощаться.
Гони лихую, погоняй,
Мне за тобою не угнаться
Товарищ, может быть, иной
Меня заменит и поднимет
И привезет ко мне домой,
Где только мать меня обнимет.
И я очнусь от горьких слез
И от седой ее печали.
Скажу: «Я, мама, не замерз…

Давай споем, как мы певали!»
И мы споем про Ямщика,
Что замерзал в степи широкой.
Услышишь тогда издалека
Мой грустный, тяжкий вздох глубокий.
Я это вспомню про тебя,
Тебя по-прежнему любя.
1977г., Совхоз.

Еду в розвальнях, на соломе.
Всходит месяц. Луга. Лесок…
Не мечтаю о близком доме.
Появился бы хуторок,
Засугробленный, заскучавший
На опушке того леска,
Отличающийся от чащи
Желтой форточкой огонька.
Я с дорожного поворота
Припустил бы туда коня.
Кто бы там отворил ворота
И во двор пропустил меня?
Вот бы - вдовушка молодая,
С фонарем старинным в руке,

Привлекательная, простая,
Как из песни о хуторке.
Мы бы с нею ту песню спели,
Только был бы другой конец:
С нами вместе бы не сидели
Ни рыбак тот, ни тот купец;
И плутал бы где-то в метели
Нестерпевший их удалец…

Мальчик, парень, молодой мужчина..
Жизнь летит стремительно к концу.
Холодно, когда дохнёт кончина,
Позовёт к покойному отцу.
Ляжешь в травы, заглядишься в небо:
«Мне бы птицей крылья распластать.»
Оглядишься - и захочешь: «Мне бы
Стать тропинкой, деревом стоять…
Чтоб не знать про неизбежность смерти,
Про могилы тесные не знать
И природы светлое бессмертье
С веком человека не равнят.»
О, как горько сознавать, что вот ты
Среди лета на лугу лежишь…
Будет и осенняя погода,
И на первый снег ты поглядишь…

Но когда-то, сразу-будто выстрел! –
Оборвётся жизненная нить,
Может – дома, может - в поле чистом…
И тебе уж больше не ходить…
И представить мне до слёз обидно:
Над землёй зелёной, без меня,
Облака плывут, и всё им видно
Сквозь прозрачность ветреного дня.

Снова, что ли, надо закурить
Да хотя б с дымком поговорить...
Плохо, если друга нету рядом,
А тебе приходится тужить.

Плохо, если бирюком живёшь,
Если песен светлых не поёшь,
Если по тропинке невесёлой
Словно пустырями всё бредёшь.

«Да, - мне тихо говорит дымок, -
Надо наступать на жизнь, браток,
Конником лететь в лихой атаке,
Занося над головой клинок!»

«Наступал, - даю ответ дымку. –
Шёл в огонь, барахтался в снегу...» –
«Ну а дальше так идти не сможешь?»
Встал, отодвигаю стул: «Смогу!»

Прощайте, сумрачный сени!
День блещет светлой синевой.
Иду дышать землей весенней,
Листвой весёлой и травой.

Ветёлка на реке полощет,
Отбеливает облака.
А я направлюсь к нежной роще,
Трепещущей от ветерка.

Всю зиму я в снегах томился,
В стенах промёрзлых и глухих.
Давно от женских рук отбился;
Хочу прикосновенья их.

Но где они? Их нет и ныне.
Зато берёзы в роще той
Полны ласкающей теплыни,
Сравнимой с любящей рукой.

Я там найду отдохновенье,
Забудусь в легком полусне,
И вдруг увижу на мгновенье:
Подходит женщина ко мне.

Она - вся в белом, в бликах солнца.
Свежа, застенчива, мила...
Вот подойдёт и усмехнётся:
«А я берёзой тут была...»

К СЕБЕ

Найди какой-нибудь укромный уголок
Для безмятежного уединения,
Где отдохнуть душой и телом смог.
Не в праздности - в порывах вдохновения.

Тебе не надо будет ничего тогда.
Стоял бы стол у светлого окошка.
И были б хлеб, да соль, да в холодке вода...
Для леса - неказистое лукошко...

И были б на столе бумага и букет -
Цикорий, клевер, васильки, ромашки...
И близкой женщины простой фотопортрет,
Не опуститься чтоб до замарашки;

И чтобы ты творил как будто для неё,
Чьи ум и сердце искреннее ценишь...

Признай же наконец призвание своё.
Иль ты в него до смерти не поверишь!

Серый тополь, чёрный ворон.
Свежий снег, спокойный свет.
Обвожу окошко взором:
Тот же тополь, тот же парень...
Сколько с вороном примет?..
Просыпался я. Вдруг слышу –
Хриплый клёкот за стеной.
«Уж не ворон ли?..» И вижу
Вот его перед собой.

Он сидит, не встрепенётся.
Будто мне в глаза глядит.
Ах, как хочется мне солнца!
«Прочь!..» Но он сидит... Сидит!..

А моё больное сердце
Как на ниточке висит.

Алексей Кольцов, Сергей Есенин...
Бубенцы, цветы - не имена.
Ясный вешний день
И день осенний.
Русская родная сторона.
С избами в рябиновом узорах,
С ветряками, знойностью хлебов,
С тройками, снегами, при которых
Всяко пели души ямщиков...
Ладный парень,
Степью окрылённый,
Гонит красно-бурый грузный гурт;
А другой,
Сиренью опьяненный,
Смотрит на вечерний лунный пруд...
Братья мои старшие, скажите:
Как свои-то песни я сложил?
Коль неважно, -
Больно не браните.
Знаю -
Не много в них открытий...
Пел себе –
О славе не тужил.

Подумал в цветущем саду я:
Недолго ещё проживу.
Уткнулся ничком в молодую,
Промытую солнцем траву.
Как пахнет она!.. Как охота
Весной не последней дышать...
Природа-природа, за что ты
Решила нам век сокращать?
Нам, людям... А дереву, птице
Намного продляешь лета...
«Вы можете в них превратиться,» -
С усмешкой ответила та.

Синь. Черёмуха в цвету.
Лунность. Соловьи…
Чья-то молодость в саду
Шепчет о любви.

Чья-то молодость... Рассвет.
Радостный росток.
В роще светлой первоцвет.
Жизни всей исток.

А моя пара – отлёт
Птичьих стай на юг;
Первый иней, первый лёд
И предзимний лук...

Что же... Свой черёд всему
И всему свой срок...
Отпадут навек во тьму.
Будто в тень – листок.

ПЕСНЯ

На неровном жизненном пути
Трудно сделать верным каждый шаг.
Ты меня, пожалуйста, прости –
Поступал порой не так.

У мужчины больше всяких сил.
Огорчала ты меня подчас,
Только это молча я сносил,
Закурю, бывало, лишний раз.

Не хочу кручинушки твоей,
Болюшки сердечной никакой.
Коль устану - тихо пожалей,
А расстроюсь – так же успокой.

Пусть нам дольше светит отчий край.
Не болей, повеселей гляди.
И меня навек не покидай,
Лучшая в путь последний проводи.

А покинешь - с горя и тоски
Не поднять мне больше головы.
…Видел я у высохшей реки
Дерева средь лета без листвы...

ЗАВЕЩАНИЕ

Если еще молодым я помру, -
В доме пусть будет как в чистом бору.
В гроб положите в веселой рубашке.
Летом на грудь мне сорвите ромашки,
Осенью - гроздку рябины; зимой

Синий цветок луговой отыщите
(Дремлет он во сне). А серой весной
Алость герани с окошка возьмите.
Песни люблю я, что издавна Русь
Тихо поёт и вовсю распевает.
В них – то веселье и удаль, то грусть…
Пусть надо мною они не смолкают.
А отнесите на сельский погост,
светлою вечность черемух, берёз…
Клён у могилы весной посадите
И приходите к нему, приходите…

Легенды, песни, поэмы

ЛЕГЕНДА О ЩИТЕ

Возводился тридцать лет собор.
Белостенный, поверху зелёный,
Изнутри как будто золочённый,
Мощно он стоит и до сих пор.
Русь его хранила. И хранит
Наша просвещённая Россия:
Зодчеством высоким именит.
И пускай в нём служба шелестит,
Будто встарь. Но звонницы – немые…

- А поведай, бабушка…Сей храм…
Уж ему без малого два века…
Как он возводился к небесам,
Силою какого человека?

-Я того, понятно, не видал
(Вороном в ту пору не летал).
Но слыхал. И сам смекал, конечно…
Всё народ корячился, сердечный.
И собор воздвигли мужики,
Те, что обжигали и горшки.
Коренник у них был знаменит.
По прозванью Афанасий щит.
Роста, сказывали, не ахти большого,
Но телосложения – крутого.
Каменного. Как из валунов.
Первый был каменотёс. И смело

Гнул в бараний рог любое дело
Меж иных натуженных горбов.
Алые любил носить рубахи,
Словно палачом служил при плахе.
А не злой души был и руки.
На ладонь слетали голубки,
И уж так он их гладить боялся,
Будто одуванчиков касался.
Кудрями был шелковисто бел,
Из-под них лазорево глядел.
Процветал в зелёных-то летах.
Сам бы вдруг, я чаю, не зачах.
Да свалилась на него беда.
Начиналась будто бы спроста…
Раз пожаловал в артель на рысаке,
В тарантасе с плёткою в руке –
Нил Багров – пасадский же купец.
Уж немолодой ловкач хитрец…
«Уши прожужжали… - говорит. –
Где, мол, тут у вас и что за Щит?
Что за сила с ангельской душой?
Почему, смеётся, - не святой?..
Грош последний голи отдаёт;
Сам-то духом знать, святым живёт.
Силушка с чего ж такая?
Как послушать – прямо не земная!..»
(Надобно сказать –
У купца от зависти был зуд:

Не о нём по садам слава шла;
И ещё была причина зла…
Полюбовка раз ему сказала:
«Я Щита – де издали видала.
Ты в близи его мне покажи,
Как-нибудь приди с ним, ублажи…»)
Глыбину тесал тем часом Щит.
Бросил. Встал перед купцом. Глядит
Из-под кудрей. Дерзко, свысока…
В пальцах крошит камешек слегка.
Оглядел прищур его Багров,
Хлопнул весно по плечу: «Здоро-о-ов!»
Подбоченясь, отступил. Речёт:
«Правду молвят – ангел, а не чёрт.
Ангельски кудряв и смотришь мило…
Дьявольская токмо, видно, сила.
Покажи…» - «На чём же показать? –
Щит спросил. «А вот возок мой взять…
Я поеду – удержать смоги.
Сзади ухвати – и не с ноги!
Может, я потом и припущу…» -
«Шутишь барин.» - «Вовсе не шучу.»
Щит повеселел: «Тогда – давай!
Только по-другому. Распрягай!
Доброго мне жалко рысака.
Пусть меня потянет без возка.
Стану на вожжах одних держать,
Как бы ты не стал его хлыстать

Плёткой, чем ли…» Дёрнулся Багров,
Брови вскинул: «Вона ты каков!..
Ну – ну – ну… Давайте распрягать
Да и где просторней начинать.»
Распрягли и начали в сторонке,
На лужке при блёклом у речонке.
…Плёткою стегал Багров коня
То хваля гнедого, то кляня!..
Щит ногами о землю упирался,
Каблуками глубоко вминался,
На вожжах на струненных качался,
Напряжённый с головы до пят,
Круто запрокинутый назад.
Кровью всё темнее наливался,
А на рысака не подавался!
Охала глазастая артель:
«Неужели сдюжит, неужель?!»
Справный конь метался так и сяк,
Жилами, похоже, тоже рвался,
Зубы скалил, на дыбы взвивался,
А чтоб вырваться из рук Щита – никак!..
Взмокнут оба. И тогда под солнце,
Как взмолясь, рысак в дыбах заржёт.
И обмякнет Щит, и засмеётся,
Кулаки с вожжами разожмёт.
И помчится конь как ошалелый…
Щит потом в лугах его найдёт,
Под уздцы Багрову подведёт,

Тихий и какой-то занесмелый.
«Что! Ослаб? Не сладил под конец?» -
Оглядит опять его купец.
«Да ведь больно жалобно заржал,
Вот я больше-то и не держал;
Ну, а так бы слёг он у меня…» -
«А другого сдержишь ли коня?
Так же… Завтра пригоню другого…» -
«Что мне… - скажет Щит. – Сдержу любого.» -
«Завра же тебе и заплачу.»
Щит ответит: «Платы не хочу!..
Нищим барин чаще подавай
Да товар дешевле продавай…»
Запрягут купцу. Он в тарантас
Сядет и подумает озлясь:
«Крепок Щит. Найду, однако меч
На него. Смахнуть гордыню с плеч.»

А на день другой, уже под вечер, -
Щит не мог того предполагать, -
Будто для какой-то важной встречи,
Собралась на месте том, у речки,
Праздная посадская вся знать.
Чернь была и та ж артель…
Все ждали,
Озирались пристально кругом;
Наконец Багрова увидали
На коне блескуче вороном.

Вот подъехал, поклонился знати
(И любовнице своей замечу кстати).
Повинился: «Припоздал – дела!»
Спешился. Достал из-под седла
Вожжи в тонком шёлке кумачовом,
Бросил их кому-то: «Пристегни !» - и снова
Огляделся и окрикнул: «Щит!»
Видит – тот в пяти шагах стоит.
Не весёлый. Маком сникшим рдеет.
Подошёл к Багрову: «А от сколь
Вся толпа?» - «Пущай себе глазеет.
Больше чести. Принимать изволь.»
Щит опять: «Потехи ждут: мол, глянем,
Как Багровский конь в простор помчит
За собой Щита поволочит…»
Нил сказал: «Предсказывать не станем,
Лучше –ка давай сперва начнём.
Я готов. И Ворон ожидает;
Каждым, глянь-ка, мускулом играет.
Этот – не Гнедок вчерашний. С нём
Сладишь ли?» - «А поглядим…Начнём!»

Было также всё, как на кануне.
По началу – те же сила, злость…
Конь метался яро, вожжи струнил..
Щит стоял…Вдруг всё оборвалось.
Скоро и нежданно. Оказалось:
Дома Нил надрезал вожжи малость.

Лопнули те мигом – и, прямой,
Щит спиной о землю, головой
Ахнулся! Раскинулся крестом
С мёртвым взором и кровавым ртом.
Ну, толпа, понятно, замерла,
Потрясённо пред собой воззрилась,
Тихой тенью на Щита нашла,
Глухо загудела, закрестилась…
Подошёл с ухмылкою купец
И отвёл за руку полюбовну:
«Не слезись на людях-то – не ловко…
Всё равно он был бы не жилец!»
Так-то вот… От подлости людской
Разом сгинул богатырь какой.
(Да и нынче… Зорче погляди…
Кто иных повыше, впереди…
Божьим даром, разумом блестает…
Тот покоя тех, иных лишает.
Тайно лезут вон из кожи те
В слухах да в подглядях, клевете…
Явно, коль ты светлый оступился,
А у них в руках возникла власть,
Бьют тебя, чтоб ты не возродился,
Валят с ног и втаптывают в грязь!
Ведаешь…). Ты малость погоди…
К дубу, что у храма, подойди.
Там под ним – гранитная плита.
Прах под ней покоится Щита.

Погребли его там. Освятили
Возложили венчик белых роз.
Дуб тогда же, может, посадили,
Может, это после Щит пророс.
Но и дуб с явленья – освящённый.
И с каких-то пор на нём, во стволе,
Крест с распятьем тлеет золочёный
В старой древесине, что в золе.
Высох дуб. А помню – был дремучий,
С крупным жёлудем, разлапистым листом…
У стены стоял зелёной тучей,
Солнечным наполненный дождём…
Не молился ты – и не молись.
А плите и дубу поклонись.
Память о Щите – она светла
Супротив купеческого зла.

ПЕСНЯ ПУГАЧЁВА

Степи оренбургские,
Широко вы стелитесь.
Гей, мои ребятушки!
Хорошо вы метитесь.
Хорошо вы метитесь,
Хорошо вы рубите,
Головы господние
Не напрасно губите!

Ради воли вздыбились.
Рыщем, окрылённые!..
Выдает нам солнышко
Стрелы золоченые.
Стрелы золоченые
Мы берем у солнышка,
А копьё сломается –
Сделаем из колышка…

Кони быстроногие,
Кони буйногривые!
Вы ль у нас неверные,
Вы ль у нас пугливые?!
Вы ль у нас пугливые,
Вороные, чалые…
Что ж вы не весёлые!
Или вы – усталые!..

Травы - шёрстка заячья,
Тучи - крылья ворона…
Гей, мои ребятушки!
Что ж не в ту вы сторону,
Что ж не в ту сторону
Пики направляете,
Емельяна вашего
Сами полоняете?!

Ветры, ветры вольные!
Степи да раздольные…
Не страшны мне грозные
Звоны колокольные,
Плаха да позорная,
Топором клеймёная,
Кровью опаленная!..

КОЗЬМА МИНИН

«Вспомним темного мещанина
Нижегородского, Минина,
Спасавшего Россию в то время,
Когда не было в ней ни
Царя, ни порядка, ни заготовленных заранее сил…»
Н. А. Добролюбов

Бил Нижний Новгород
Во все колокола
Своих церквей
Тем утром лучезарным.
И хоть уж осень раняя была,
Но словно Волга вешняя текла –
Так люд стекался
К площади базарной.
Густел, роился там,
Замешивался круче;
Гудела пущей в бурю площадь та,
Когда взметнулся он над ней,
Такой могучий,
Каким его не знали никогда!
И стихло всё.
Гремел его лишь голос –
Теперь уже другой, грудной, набат.
Металась борода,
Вкруг лба вздымался волос,
Блистал

Из-под бровей сведённых взгляд.
-…Не быть нам панскими холопами!
Подымем
Все наши города
И веси все – пора!
Последнюю с себя рубаху сымем –
С победой будем,
Ставши без добра.
Я первый отдаю!..
Вот перстни и монисты
Жены моей…
Вот со святых икон
Сребро и злато…
Вот меха искристы… -
И под ноги себе
Всё бросил он!
И к тем ногам
Под гул многоголосый
Пошло как по ветру
Со всех сторон добро.
И всё - то золото, то серебро…
Монеты сыпались,
Что звонкий лист с берёзы.
И только нищие,
В порыве сожаленья
Встряхнув свои, что пепел, лоскуты,
Просил у бога шёпотом прощенья,
С себя срывали жалкие кресты.

А он стоял,
И грузный, и угрюмый,
С опущенной горячей головой,
Отягощённой всенародной думой
О том,
Как вольной стать
Земле родной.

Писатели о творчестве Геннадия Зимнякова.

«Стих Геннадия Зимнякова традиционен, не блещет внешней новизной, зато поэт добивается в нём большой пластичности, совершенства, не броского, но точного образа. Многие из выступавших отмечали яркую живописность и музыкальность стихов Зимнякова. У молодого поэта много своеобразной пейзажной лирики, в которой рельефно проявляется мироощущение лирического героя».

Николай Благов, член Союза писателей России (из отчёта областного писательского семинара, 1962г).

«…Зимняков, прежде всего, лирик… Стихи Зимнякова, как правило, лаконичны. Часто они напоминают этюды с натуры, где есть и краски, и чувство, и перспектива…»

Евг.Ларин, мелекесский поэт, 1962г

«…Ты истинный поэт, Гена, но поэтов развелось так много, что помимо таланта для успеха теперь требуется огромная пробивная сила…»
Николай Рябинин (Сидоров), 1976г

«…Мы прочитали Ваши стихи. Они вполне профессиональны…»
Л.Гейдеко , редактор журнала «Сельская молодёжь», 1979г

«… «По дачам…» - просто великолепно. Гена, ты такой живописец в стихах, что не каждому и классику под силу такое. Я тут везде восторгался этими стихами, знаешь – я человек открытый, понравилось – говорю об этом всем, и все соглашались – здорово!
…Мало ли у нас в Союзе писателей членов, которые за всю жизнь не напишут ничего похожего на твоё «По дачам..». говорю чистосердечно…

…Твоё время ещё придёт, поверь мне. Будет у тебя книжка, будет имя…»
Николай Рачков, писатель, 1981г

«…стихи твои, как я тебе писал, будут напечатаны… Да и стихи понравились. Хорошие стихи, свежие…»
Владимир Пырков, ульяновский писатель (журнал «Волга», 1987г)

Геннадий Васильевич Зимняков

ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА

избранное

стихи, песни, легенды

Редактор – составитель, корректор – Н. Сёмин

Подписано в печать ……..
Формат……..
Усл. Печ. Листов…….
Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ОО «Колор-Принт»